F 68/75

Критика
понятия свободы
воли

F 68/75

КРИТИКА

ПОНЯТІЯ СВОБОДЫ ВОЛИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОНЯТІЕМЪ ПРИЧИННОСТИ.

Н. Я. ГРОТА,

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Извлеченіе изъ „Трудовъ Моск. Психол. Общества.“

МОСКВА.

Типографія А. Гатцука, Никитскій бульв., собственный домъ.

1889.

Дозволено цензурою. Москва, 17 октября, 1889 года.

2007237440

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Вступленіе. . . . . V—XVI

1. Методъ изслѣдованія вопроса 1
2. Опредѣленіе понятій воли и свободы воли. 14
3. Отношеніе понятій причины и дѣйствія, основанія и слѣдствія, мотива и дѣйствія 23
4. Анализъ идеи мотивацiи и происхожденіе понятія причинности 29
5. Анализъ процесса воспріятія и значеніе самосознанія въ рѣшеніи вопроса объ источникахъ актовъ воли. 40
6. Степень зависимости актовъ воли отъ воспріятій 56
7. Основной источникъ влеченій и желаній 62
8. Второй источникъ желаній и вытекающая изъ него свобода воли. 76
9. Общее ограниченіе свободы воли. 85
10. Положенія къ реферату . . . . . 97—106

КРИТИКА

ПОНЯТІЯ СВОБОДЫ ВОЛИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОНЯТІЕМЪ ПРИЧИННОСТИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Изслѣдуя природу всѣхъ вещей, они устраняютъ причину движенія (περὶ πάντων φυσιολογοῦντες, τὸ τῆς κινήσεως αἴτιον ἀναιροῦσιν).

Аристотель (Метафизика I, 8).

Въ теченіе многовѣковой напряженной дѣятельности, въ борьбѣ съ слѣпыми силами природы и несо-

---

*) Настоящая статья составляетъ переработку реферата, читаннаго авторомъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 25 Февраля 1887 г. и значительно исправленнаго и дополненнаго, въ связи съ возраженіями, которыя были ему сдѣланы. Нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшее развитіе воззрѣній автора по разсматриваемому здѣсь вопросу оказали и слѣдовавшіе затѣмъ рефераты о томъ-же предметѣ его товарищей, — особенно Л. М. Лопатина, со многими положеніями котораго авторъ согласенъ. Возраженія, сдѣланныя авторомъ на эти рефераты, вошли органически въ составъ предлагаемой читателямъ статьи.

вершенствами собственной физической организаціи, человѣческій духъ успѣлъ сдѣлать рядъ цѣнныхъ пріобрѣтеній, въ смыслѣ глубокихъ идей и возвышенныхъ идеаловъ, способныхъ поддерживать крѣпость его нравственной энергіи и бодро вести его на пути къ новымъ успѣхамъ и побѣдамъ. Трудно обозрѣть всѣ великія завоеванія его въ процессѣ познанія міра и самопознанія. Но достаточно припомнить тѣ самыя общія понятія, которыя дала ему философія послѣднихъ двухъ съ половиною тысячелѣтій, чтобы признать, что духовная жизнь человѣчества могла-бы богато и мощно расцвѣсть на ихъ плодотворной почвѣ. Таковы, во первыхъ, идеи безконечной вселенной и вѣчнаго мірового разума, ею управляющаго, — идеи инертной матеріи и самостоятельнаго духовнаго начала, дающаго ей жизненность, — идеи неисчерпаемой силы человѣческаго знанія и творчества, свободы личной воли человѣка, безсмертія человѣческой души; затѣмъ—идеалы истины, добра и красоты, какъ общіе свѣточи духовнаго существованія человѣка,—нравственнаго долга, самоотреченія и самообладанія, — любви, самопожертвованія и справедливости, какъ основанія личной и общественной жизни разумныхъ существъ...

Повидимому однихъ этихъ началъ достаточно, чтобы дать человѣку твердую опору въ его жизни на землѣ и обезпечить ему спокойное и разумное существованіе и развитіе, въ видахъ безконечнаго усовершенствованія его духовной сущности. Однако, человѣческій духъ въ себѣ самомъ носитъ ядъ, способный отравить его душевный міръ и ослабить его духовную мощь. И

самъ онъ создаетъ то магическое слово, которое разрушаетъ на время смыслъ всѣхъ упомянутыхъ пріобрѣтеній. Этотъ ядъ — *сомнѣніе*, это слово — *иллюзія*. А если всѣ тѣ великія идеи и высокіе идеалы—не реальные факты и силы, а только красивыя и громкія слова? А если всѣ эти дары самопознанія — простыя иллюзіи, обманы воображенія? Сколько разъ воображеніе сбивало съ толку человѣка, — во что онъ только не вѣрилъ, чего не допускалъ? Весь міръ былъ населенъ для него духами, привидѣніями, богами, которые оказались впослѣдствіи изобрѣтеніями его фантазіи. И гдѣ-же мѣра ея произволу? Гдѣ ручательство, что всѣ упомянутыя выше невидимыя блага дѣйствительно существуютъ?

Сомнѣніе, порождающее эти вопросы, есть плодъ мышленія, т. е. сравниванія, сужденія и умозаключенія. Въ томъ-же мышленіи есть и противоядіе сомнѣнію — *строгая критика понятій*, ихъ источниковъ, ихъ значенія и степени реальности ихъ предметовъ.

Критика понятій есть единственный возможный путь къ окончательному устраненію иллюзій, или къ возстановленію идей, неправильно заподозрѣнныхъ. И эту задачу пытались выполнить философы такъ-называемой „критической школы", путемъ изслѣдованія познавательныхъ процессовъ человѣка,—источниковъ и предѣловъ его познавательныхъ способностей.

Первыя теоретическія сомнѣнія относительно объективнаго значенія нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ общихъ понятій были предъявлены и строго формулированы англійскими мыслителями: Локкомъ въ концѣ XVII в., Беркли—въ началѣ, и Юмомъ—въ половинѣ XVIII сто-

лѣтія. Сомнѣніе перваго касалось еще только вопроса о прирожденности человѣческой душѣ какихъ-либо отвлеченныхъ понятій и возможности пріобрѣсти какія-либо идеи внѣ опыта; изслѣдованіе-же элементовъ опыта приводило, повидимому, къ убѣжденію, что для нѣкоторыхъ изъ отвлеченныхъ идей человѣка въ опытѣ нельзя найти достаточнаго матеріала. Сомнѣніе второго касалось уже вообще возможности признать особое реальное значеніе за понятіями ума внѣ ощущеній, ихъ всецѣло составляющихъ,—а также возможности доказать реальное существованіе матеріи, какъ самостоятельнаго бытія. Наконецъ, сомнѣніе Юма относилось въ особенности къ основнымъ метафизическимъ понятіямъ субстанціи (сущности) и причинности, которыя онъ подвергъ строгой критикѣ, стараясь прослѣдить ихъ психологическое происхожденіе, при чемъ конечный выводъ его философіи заключался въ томъ, что эти понятія въ ихъ обыкновенномъ объективномъ значеніи употребляются нами незаконно и неправильно. Никакихъ дѣйствительныхъ сущностей вещей и причинъ мы знать не въ состояніи. Наши идеи суть лишь слабыя отраженія нашихъ впечатлѣній. Впечатлѣнія соотвѣтствуютъ внѣшнимъ перемѣнамъ и ихъ преемствамъ. Идеи субстанціи и причинности суть выраженія субъективныхъ дѣйствій нашего ума, его привычекъ—группировать впечатлѣнія около извѣстнаго центра и связывать ихъ въ постоянныя преемства по психологическимъ законамъ ассоціаціи.

Кантъ взялся провѣрить утвержденія Юма и пришелъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“ къ тому

еще болѣе отрицательному результату, что всѣ объективныя явленія міра, познаваемыя путемъ опыта, внѣшняго и внутренняго, суть только наши воспріятія, располагаемыя въ извѣстныя соотношенія, согласно субъективнымъ апріорнымъ формамъ воспріятія и мышленія. Не только отвлеченныя идеи субстанціи и причинности, реальности и нереальности, множества и единства, возможности, дѣйствительности, необходимости и др. под., но и конкретныя представленія пространства и времени суть субъективныя формы нашей познавательной дѣятельности. Что-же касается до наиболѣе общихъ метафизическихъ идей, каковы идеи Бога, безсмертнаго духа, свободы воли, то онѣ—лишь субъективныя попытки конечнаго объединенія или синтеза всѣхъ явленій опыта, и потому—какъ объективныя идеи, соотвѣтствующія реальнымъ началамъ, не имѣютъ никакого теоретическаго значенія и не могутъ быть признаны законными. Правда, Кантъ пытался затѣмъ въ „Критикѣ практическаго разума“ доказать ихъ практическую цѣну, оправдать необходимость вѣры въ существованіе соотвѣтствующихъ имъ объективныхъ началъ и отношеній, во имя *нравственныхъ* требованій человѣческаго сознанія, и придумалъ для ихъ реализаціи особый умопостигаемый міръ „вещей въ себѣ“, лежащій за предѣлами „опытнаго міра явленій“ и въ реальномъ бытіи котораго насъ косвенно убѣждаетъ именно наше нравственное самосознаніе... Но этотъ опытъ возстановленія на практической почвѣ реальностей, отвергнутыхъ критикою теоретическаго разума и признанныхъ „теоретически“ непознаваемыми, никого не удов-

летворилъ, и вся послѣдующая философія — послѣ-кантовская философія нашего XIX в.—является выраженіемъ двойного предположенія, а именно: или что Кантъ покривилъ душою и не захотѣлъ дойти до конца въ безпощадной критикѣ метафизическихъ началъ, какъ чистѣйшихъ фикцій нашего сознанія, находящагося подъ властью чувствъ и субъективныхъ влеченій, къ услугамъ которыхъ всегда во время является воображеніе,—или-же, что вся его критика понятій въ основаніяхъ своихъ неправильна и что её необходимо начать съизнова.

Сначала преобладало второе убѣжденіе и былъ сдѣланъ рядъ опытовъ теоретическаго возстановленія объективнаго значенія тѣхъ понятій, которыя были обезцѣнены Кантовскою „Критикою чистаго разума“. Но когда всѣ эти попытки обновленія метафизики въ системахъ первыхъ нѣмецкихъ идеалистовъ и реалистовъ послѣ Канта оказались несостоятельными, въ виду произвольности пріемовъ и туманности результатовъ, то возобладали ученія представителей первой точки зрѣнія, — ученія поклонниковъ „Критики чистаго разума“, утверждавшихъ, что Кантъ въ существѣ дѣла былъ правъ, что основные выводы его „Критики чистаго разума“ непоколебимы, но что онъ не дошелъ, однако, до конца въ своихъ умозаключеніяхъ, и что, если и не хотѣлъ сознательно покривить душою, возстановляя въ своей „Критикѣ практическаго разума“ реальное значеніе метафизическихъ иллюзій человѣческаго разума, то всё-же, по слабости человѣческой природы, уступилъ подъ старость обольстительному обаянію этихъ иллюзій.

Во главѣ мыслителей, пытавшихся исправить Канта въ только-что указанномъ смыслѣ, стоитъ Шопенгауэръ со своей школой, и мы всѣ знаемъ, какія грустныя, безотрадныя перспективы открылись предъ человѣческимъ умомъ въ системахъ пессимистовъ, окончательно раздѣлавшихся со всѣми предполагаемыми отвлеченными иллюзіями, — съ идеями мірового разума, безсмертнаго духа, личной свободной воли. Единственная реальная сила, движущая міромъ по закону механической необходимости, есть инстинктъ самосохраненія, безсознательная воля къ жизни, приходящая на высотѣ своего развитія и самосознанія къ своему-же собственному отрицанію, къ идеалу самоуничтоженія и самоумерщвленія. Идеи Бога, духа, личной свободы —продукты фантазіи. Въ мірѣ явленій царствуютъ мракъ, слѣпые инстинкты, безсмысленная необходимость.

Мы не излагаемъ ту или другую систему, отдѣльно взятую, но выражаемъ общій духъ современнаго міровоззрѣнія, которое въ разныхъ формахъ подноситъ намъ: матеріализмъ, атеизмъ, фатализмъ и пессимизмъ, иногда—въ видѣ утѣшенія—бросая на траурную колесницу вѣковыхъ идеальныхъ вѣрованій человѣчества искусно сплетенные вѣнки надеждъ на какое-то соціальное возрожденіе, будущее всеобщее равенство въ наслажденіи эфемерными благами земного существованія, безболѣзненное и для всѣхъ одинаково пріятное мерцаніе жизни на землѣ,—до той поры, пока—или по законамъ астрономическихъ переворотовъ не потухнетъ солнце и не замерзнетъ земля,—или человѣ-

чество, вполнѣ созрѣвшее и образумившееся, не вздумаетъ само добровольно прекратить тѣмъ или другимъ способомъ глупую шутку, называемую жизнью.

Однако спросимъ себя по совѣсти: могутъ-ли быть прочны надежды на блага жизни, общій и высшій смыслъ которой вполнѣ утраченъ? Если ужь гдѣнибудь умѣстно слово *иллюзія*, то именно для обозначенія всѣхъ тѣхъ эфемерныхъ утѣшеній, которыми обманываютъ себя люди, похоронившіе вѣру въ высшія начала жизни, въ абсолютный смыслъ идей истины, добра и красоты, въ реальное значеніе противоположности духа и матеріи, въ дѣйствительность царства Бога или вѣчнаго разума во вселенной, въ существованіе безсмертной души и свободной воли. Весь ихъ „прогрессъ человѣчества“ есть безцѣльное толченіе воды, ихъ „альтруизмъ“ — наивный самообманъ, ихъ „идеалы“ — горькая иронія, ибо позади всѣхъ этихъ словъ, которыми они ограждаютъ свое душевное спокойствіе, виденъ зловѣщій призракъ небытія, — стихійное царство „хаоса“.

Если они еще и живутъ и все-таки на что-то надѣются, то развѣ потому, что вѣра въ высшія начала жизни утрачена ими часто только на словахъ, а въ глубинѣ души они все-таки сомнѣваются въ безошибочности результатовъ произведенной донынѣ научной и философской критики понятій и продолжаютъ, по своему, поклоняться Высшему разуму, надѣяться на безсмертіе своего духа, вѣровать въ абсолютное добро и въ свою духовную свободу. Только эта „двойная бухгалтерія души“ ихъ и поддерживаетъ и, къ сожалѣнію или

къ счастью, за очень рѣдкими исключеніями, большинство матеріалистовъ, атеистовъ и фаталистовъ нашего вѣка только потому уклоняется отъ безотрадныхъ выводовъ пессимизма, что принадлежитъ именно къ числу людей, обладающихъ двумя міровоззрѣніями — однимъ показнымъ, такъ называемымъ научнымъ, и другимъ—тайнымъ, традиціоннымъ, для собственнаго домашняго обихода, на случай перваго несчастія, которыхъ въ жизни такъ много, на случай болѣзни или смерти близкаго человѣка, собственныхъ серьезныхъ недуговъ, неожиданныхъ неудачъ жизни и т. д., когда они невольно измѣняютъ своему обычному знамени и робко склоняются предъ Высшею силою. Такое безсознательное двоедушіе въ наше время очень распространено и составляетъ главное зло нашей современной жизни. Оно поддерживаетъ и силу ошибочныхъ отрицательныхъ ученій и силу многихъ предразсудковъ и суевѣрій.

Главная задача философіи бороться съ этой раздвоенностью духа и стремиться возвратить человѣчество къ внутренней цѣльности и единству міровоззрѣнія и нравственной жизни вообще. Считать критику понятій оконченною серьезная философія не въ правѣ уже потому, что эта критика только сто лѣтъ тому назадъ началась въ той вполнѣ сознательной и отчетливой формѣ, которую можно признать заслуживающею вниманія. Кантъ только намѣтилъ путь этой критики, но далеко не осуществилъ ее на дѣлѣ. Онъ самъ ужаснулся-бы тѣхъ опустошеній, которыя она произвела въ умахъ людей XIX в., если-бы могъ ихъ предвидѣть. Не же-

ланіе обмануть другихъ и не наивный самообманъ заставили его въ „Критикѣ практическаго разума“ попытаться возстановить объективное значеніе высшихъ идей, отвергнутое въ „Критикѣ чистаго теоретическаго разума“, а природный здравый смыслъ и любовь къ истинѣ. Онъ добросовѣстно старался исправить односторонность своей первой критики. Но онъ не сознавалъ, что нѣтъ существеннаго различія между разумомъ теоретическимъ и практическимъ. Разумъ есть вообще *теоретическая* способность, идеи всѣ—„теоретическія“ идеи. Основная ошибка Канта состояла въ произвольномъ разграниченіи сферъ разума, въ произвольномъ разсѣченіи интеллектуальной природы человѣка, а вмѣстѣ съ нею и всего идейнаго міра его, на двѣ противоположныя и какъ-бы непримиримыя области. Этимъ „идеальнымъ“ дуализмомъ онъ на время поколебалъ прежній болѣе здравый реальный дуализмъ матеріальнаго и духовнаго міра и подготовилъ тотъ внутренній разладъ, отъ котораго такъ тяжко страдаетъ современная личность. И однако нѣтъ и не можетъ быть рѣзкой пограничной черты между предметами вѣры и предметами знанія. Кантовская критика понятій заключала въ себѣ рядъ ошибокъ и недоразумѣній, основанныхъ на недостаточной глубинѣ психологическаго анализа. Тѣ-же, и отчасти еще болѣе грубыя, психологическія ошибки допустилъ и закрѣпилъ своей остроумной системой Артуръ Шопенгауэръ.

Всего яснѣе и нагляднѣе эти ошибки обнаруживаются въ ученіяхъ Канта и Шопенгауэра *о свободѣ воли*. Сущность этихъ ученій сводится къ тому, что

человѣкъ въ эмпирической области своего духовнаго бытія не свободенъ, ибо всѣ его душевныя „явленія“ связаны между собою строгою связью причинности, причинныхъ отношеній. Но за предѣлами этой необходимой эмпирической зависимости явленій, или за предѣлами своего эмпирическаго характера, человѣкъ можетъ быть свободенъ, при чемъ для Канта сферою свободы оказывается умопостигаемая область индивидуальной жизни души, какъ безсмертной субстанціи, уголокъ которой открывается нашему самосознанію въ нравственной жизни человѣка,—для Шопенгауэра-же, окончательно отрицающаго безсмертную душу и вообще самостоятельную духовную субстанцію, сферою свободы является область внѣ-индивидуальной жизни воли, когда она свободно, но безсознательно выбираетъ тотъ или другой характеръ или личный складъ воли, обнаруживающійся опытно въ извѣстныхъ свойствахъ физической организаціи и духовной природы каждой личности.

Это послѣднее ученіе лучше всего показываетъ, до какихъ несообразностей можетъ дойти даже великій умъ, если онъ выходитъ изъ невѣрныхъ посылокъ: область сознательной и единственно-возможной (по Шопенгауэру) разумной жизни воли (какъ мірового начала) —въ существахъ человѣческихъ—оказывается областью „несвободной“ воли, механически подчиненной неумолимому закону причинности, а область безсознательной и неразумной (для Шопенгауэра) жизни воли—внѣ человѣческихъ личностей — признается областью „свободы,“—той самой свободы, которая является источ-

никомъ сознанія нашей нравственной отвѣтственности! Всѣ понятія человѣческаго ума въ этой странной теоріи оказываются перевернутыми, и эта полнѣйшая ихъ перетасовка объявляется верхомъ глубокомыслія.

Мы готовы согласиться съ Шопенгауэромъ, что „въ обсужденіи вопроса о свободѣ воли лучше всего обнаруживается различіе глубокихъ умовъ отъ поверхностныхъ“, но его собственную теорію свободы воли не можемъ не признать менѣе глубокою, чѣмъ считалъ её самъ мыслитель.

Въ этой статьѣ мы попытаемся подвергнуть новому разбору *идею свободы воли* и постараемся показать, на примѣрѣ ея, какъ много еще осталось сдѣлать философамъ въ области той критики понятій человѣческаго ума, которая уже не разъ обольщала себя надеждой, что навсегда очистила нашу мысль отъ пагубныхъ иллюзій и направила ее на стезю трезвой, хотя и горькой, правды. Само-собою разумѣется, что мы далеки отъ предположенія, что намъ удалось самимъ вполнѣ и навсегда разрѣшить вопросъ о свободѣ воли — одну изъ труднѣйшихъ проблемъ философіи. Но если намъ удастся показать, что и при современномъ состояніи послѣдней возможно найти для серіознаго обсужденія этого вопроса, въ *положительномъ* смыслѣ, нѣкоторыя новыя точки опоры, то наша цѣль будетъ достигнута.

1. Методъ изслѣдованія вопроса.

Что содержитъ въ себѣ понятіе свободы воли, въ какой постановкѣ проблема о свободѣ воли доступна правильному обсужденію, какими соображеніями свобода человѣческой воли можетъ быть оправдана?

Таковы тѣ главные вопросы, которые мы намѣрены обсудить здѣсь, въ возможно-сжатомъ и общедоступномъ изложеніи.

При научномъ изслѣдованіи каждаго вопроса первая задача состоитъ въ томъ, чтобы найти для этого изслѣдованія правильный *методъ*.

Всѣ наши изысканія въ области знанія повидимому основываются въ концѣ концовъ на обработкѣ данныхъ внѣшняго, или-же внутренняго опыта, или, наконецъ, на извѣстной комбинаціи тѣхъ или другихъ. Перваго рода изслѣдованія обыкновенно называются физическими, вторыя — психологическими въ собственномъ значеніи слова. Но есть цѣлый рядъ изслѣдованій, которыя нельзя назвать ни физическими, ни психологическими въ тѣсномъ смыслѣ, и которыя составляютъ раз-

личныя своеобразныя ихъ сочетанія, ибо физическія и психическія явленія такъ сложно переплетаются другъ съ другомъ въ дѣйствительномъ мірѣ, особенно въ организмахъ, что для полнаго пониманія тѣхъ или другихъ необходимо пользоваться одновременно данными и внѣшняго и внутренняго опыта. Такъ напримѣръ, историческія изслѣдованія имѣютъ предметомъ изученіе прошлой политической и общественной, т. е. духовной, а въ связи съ нею и матеріальной, жизни народовъ, на основаніи вещественныхъ памятниковъ, выраженій и символовъ, въ которые она воплотилась. Ближайшимъ орудіемъ историческихъ изслѣдованій является, такимъ образомъ, внѣшній опытъ, т. е. внѣшнія чувства; но истолкованіе многихъ показаній внѣшнихъ чувствъ возможно лишь при участіи внутренняго чувства, разъясняющаго смыслъ изучаемыхъ внѣшнихъ выраженій духовнаго бытія народовъ. Но этого мало: если отнестись критически къ основнымъ элементамъ всѣхъ существующихъ видовъ научныхъ изслѣдованій, то едва-ли вообще найдутся такія, которыя были-бы исключительно основаны на данныхъ внѣшняго опыта, или исключительно на данныхъ внутренняго опыта. Такъ напримѣръ, психологическія изслѣдованія предполагаютъ изученіе душевной жизни другихъ существъ на основаніи ея внѣшнихъ выраженій. Хотя мы истолковываемъ эти послѣднія только при помощи извѣстныхъ намъ изъ внутренняго опыта явленій, но обойтись въ психологіи безъ изученія физическихъ выраженій духовной жизни другихъ людей и существъ, доступныхъ нашему наблюденію лишь при помощи глаза, уха и др.

органовъ внѣшняго чувства, мы не можемъ. Точно такъже и въ изысканія физическія мы часто незамѣтно для себя вкладываемъ идеи, источникъ которыхъ лежитъ во внутреннемъ опытѣ. Такъ въ основаніи понятій времени, силы, энергіи, движенія, притяженія и отталкиванія, и даже въ понятіяхъ непроницаемости и упругости, которыя играютъ такую важную роль въ физическихъ изслѣдованіяхъ, лежатъ отчасти психологическія представленія, заимствованныя нами изъ внутренняго опыта. Время есть основная форма соотношенія душевныхъ явленій и внѣ сознанія послѣдовательности душевныхъ явленій мы не знали-бы ничего и о преемствѣ явленій внѣшняго міра; понятіе движенія содержитъ въ себѣ сознаніе перемѣнъ въ испытываемыхъ нами ощущеніяхъ,—понятія силы и энергіи предполагаютъ представленія о внутреннемъ усиліи и мускульномъ напряженіи, совершаемыхъ нами при преодолѣваніи извѣстныхъ сопротивленій,—понятія притяженія и отталкиванія заключаютъ въ себѣ представленія о стремленіяхъ двоякаго типа, которыя мы испытываемъ по отношенію къ предметамъ; понятія непроницаемости и упругости содержатъ въ себѣ элементы ощущеній сопротивленія, препятствія, испытываемыхъ при взаимодѣйствіи съ предметами,—стало быть опять въ извѣстной формѣ ощущенія усилій, совершаемыхъ нами для преодолѣванія этихъ сопротивленій и т. д. Еще большую роль играютъ, конечно, данныя внутренняго опыта въ понятіяхъ жизни, питанія, роста, воспроизведенія и другихъ подобныхъ, лежащихъ въ основаніи изслѣдованій біологическихъ.

Поэтому мы не ошибемся, если скажемъ, что во всѣхъ изслѣдованіяхъ научныхъ, въ той или другой пропорціи, всегда комбинируются данныя внѣшняго и внутренняго опыта, показанія внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній. Но можно-ли сказать, что всѣ наши изслѣдованія всегда и неизбѣжно основаны на изученіи данныхъ внѣшняго и внутренняго опыта? А обширная область изслѣдованій *математическихъ?* Развѣ и тутъ мы имѣемъ дѣло съ данными „опыта?“ Конечно, если назвать опытомъ всѣ наши представленія объ отношеніяхъ пространственныхъ, или временныхъ, то и математика, имѣя дѣло съ величинами, относящимися къ пространству (геометрія) или только къ моментамъ времени (ариѳметика, алгебра), должна быть признана наукою опыта. Но существенное отличіе математическихъ изслѣдованій отъ физическихъ въ обширномъ смыслѣ,—отличіе, давно подмѣченное и подвергавшееся всевозможнымъ толкованіямъ философовъ,—состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ эти послѣднія имѣютъ дѣло съ дѣйствительными предметами и явленіями, въ нихъ совершающимися, и постоянно вновь изучаемыми посредствомъ внѣшнихъ чувствъ,—первыя, т. е. математическія изслѣдованія имѣютъ предметомъ такія отношенія этихъ предметовъ и явленій, которыя изслѣдуются нами независимо отъ всякаго внѣшняго наблюденія, при помощи дѣйствій надъ формами, отвлеченными отъ всѣхъ данныхъ въ опытѣ предметовъ и явленій. Такимъ образомъ, назвать математическія изслѣдованія опытными въ обыкновенномъ смыслѣ слова—нельзя. Они имѣютъ дѣло лишь съ извѣстными формами и моментами внѣшняго

опыта. Оттого Кантъ и утверждалъ, что пространство и время—субъективныя апріорныя формы опыта, и что математика — апріорная синтетическая наука. Синтезъ математическій кореннымъ образомъ отличается отъ синтеза физическаго, такъ какъ синтезъ въ области отвлеченныхъ формъ и синтезъ въ области конкретнаго содержанія—совершенно различныя вещи. Если даже и допустить, что основныя математическія понятія—величины, числа, различныхъ основныхъ фигуръ и т. д.—отвлечены отъ дѣйствительныхъ предметовъ внѣшняго опыта, т. е. имѣютъ происхожденіе опытное, то несомнѣнно все-таки, что всѣ дальнѣйшія дѣйствія ума надъ этими основными понятіями совершаются независимо отъ всякаго опыта и что большая часть математическихъ понятій построяются нашимъ умомъ внѣ связи съ опытнымъ изученіемъ дѣйствительныхъ предметовъ и явленій. Слѣдовательно, давнишній споръ о происхожденіи основныхъ математическихъ понятій не имѣетъ существеннаго значенія при рѣшеніи вопроса объ отличіи математическихъ изслѣдованій отъ обыкновенныхъ физическихъ. Несомнѣнно, что и при совершенно опытномъ происхожденіи всѣхъ нашихъ представленій и понятій, имѣющихъ отношеніе къ пространству и времени, нельзя отрицать двоякаго рода изслѣдованій въ сферѣ этихъ понятій—изслѣдованій: 1) неразрывно связанныхъ съ опытомъ и 2) независимыхъ отъ него.

Спрашивается: не существуетъ-ли точно такого-же различія и въ области изслѣдованій, касающихся предметовъ внутренняго опыта? Легко доказать, что и здѣсь существуетъ совершенно то-же отношеніе.

Явленія внутренняго опыта могутъ быть изучаемы въ ихъ конкретномъ содержаніи и взаимныхъ отношеніяхъ при помощи наблюденія: такого рода изслѣдованія и производятся *психологіей*, какъ опытной наукой, и отчасти логикой, этикой и эстетикой, насколько онѣ—науки эмпирическія, спеціально изучающія явленія мысли, воли и чувства въ ихъ конкретномъ содержаніи. Но, рядомъ съ этимъ, возможны и необходимы изслѣдованія тѣхъ основныхъ формъ и отношеній, въ которыя облекается вся наша душевная жизнь и которыя предваряютъ всякій внутренній, а также и внѣшній опытъ, и служатъ ихъ условіями. Такими изслѣдованіями и занимается особая область знанія, называемая *метафизикой*. Ея изысканія также независимы отъ изученія и наблюденія спеціальнаго конкретнаго содержанія душевной жизни, какъ изслѣдованія математическія, въ собственномъ смыслѣ, независимы отъ изученія конкретнаго содержанія предметовъ и явленій внѣшняго опыта. Но такъ-же какъ подобное качество математическихъ наукъ нисколько не ослабляетъ, а даже увеличиваетъ достовѣрность и точность ея результатовъ, такъ оно не уменьшаетъ, а напротивъ увеличиваетъ внутреннюю цѣну метафизическихъ изслѣдованій сравнительно съ психологическими. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, метафизика можетъ быть названа наукою *) и наукою, ко-

---

*) Мы должны оговориться, что здѣсь въ первый разъ называемъ метафизику наукой, потому что намъ впервые удалось отдать себѣ ясный отчетъ въ дѣйствительномъ характерѣ и особенностяхъ этой науки. Но въ этомъ смыслѣ понятіе метафизики не совпадаетъ съ

торая въ будущемъ можетъ достигнуть такой-же достовѣрности и такихъ-же прочныхъ результатовъ, какъ и математика, къ чему и стремились, на основаніи смутнаго сознанія аналогіи между математикой и метафизикой, и Платонъ, и Аристотель, и Декартъ, и Спиноза, и Лейбницъ, и Кантъ, и Гегель.

Собственно, настоящимъ основателемъ этой новой науки является Кантъ, назвавшій метафизику „Критикой разума“. Какъ и математика, метафизика можетъ имѣть различные отдѣлы: она можетъ изслѣдовать общія формы и начала всякаго опыта и всякой душевной жизни (т. е. соотвѣтствовать психологіи, какъ опытной наукѣ—это метафизика въ собственномъ смыслѣ), или-же изучать основныя формы какой-либо спеціальной области душевной жизни, напр. познавательной (теорія познанія или метафизическая логика), нравственной (метафизическая этика), или эстетической (метафизическая эстетика или метафизика прекраснаго). Кантъ намѣтилъ существенные отдѣлы метафизики въ различныхъ своихъ „Критикахъ“, но мы уже замѣтили, что понятія теоретическаго и практическаго разума и другія подобныя (напр. понятіе „силы сужденія“ въ его третьей критикѣ) были избраны имъ неудачно и что вообще онъ, такъ сказать, только начерталъ общую

понятіемъ философіи, которая стремится къ синтезу всѣхъ данныхъ, доставляемыхъ науками внѣшняго и внутренняго опыта въ общую картину міра и жизни, и для этого прибѣгаетъ къ особымъ пріемамъ творчества, о которыхъ мы не разъ бесѣдовали съ своими читателями.

программу новой науки, но далеко не выполнилъ ее, хотя и пытался это сдѣлать. Его неудача зависѣла отъ извѣстныхъ предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ предшествующихъ системъ философіи и которые нынѣ могутъ быть устранены.

Но мы не будемъ теперь уклоняться отъ нашей главной задачи подробнымъ разборомъ Кантовскаго ученія о значеніи и составѣ метафизики, какъ науки. Для нашей цѣли пока достаточно признанія, что есть вполнѣ законная область метафизическихъ изслѣдованій, имѣющихъ предметомъ общія формы душевной жизни, лежащія въ основѣ ея опытнаго содержанія и что эти метафизическія изслѣдованія вполнѣ аналогичны математическимъ, хотя по существу дѣла не могутъ быть тождественны имъ, какъ объ этомъ мечтали Декартъ, Спиноза и отчасти Лейбницъ. Нѣкоторыя чистыя формы отношенія физическихъ явленій, изслѣдуемыя математикой (напр. пространственныя отношенія), существенно отличны отъ чистыхъ формъ душевной жизни и ея явленій. Одно только обстоятельство какъ бы сближаетъ математику съ метафизикой и отчасти переплетаетъ другъ съ другомъ ихъ изслѣдованія. Это обстоятельство состоитъ въ томъ, что и внѣшній опытъ есть все-таки особая область психической дѣятельности. Изъ этого факта вытекаетъ во-первыхъ то, что нѣкоторыя формы его, напр. время, тождественны формамъ внутренняго опыта, такъ что математическіе пріемы измѣренія отчасти приложимы и къ явленіямъ душевной жизни, которая есть тоже совокупность движеній, происходящихъ во времени; во-вторыхъ то, что

и формы внѣшняго опыта, какъ формы особаго рода психической дѣятельности, могутъ подлежать метафизическому изслѣдованію. Но отсюда далеко до заключенія о тождествѣ математическаго и метафизическаго методовъ анализа и синтеза. Тѣ-же самыя отношенія изслѣдуются математикой и метафизикой съ разныхъ точекъ зрѣнія: внѣшней, или объективной, и внутренней, или субъективной. Общіе математическіе пріемы вычисленія могутъ быть прилагаемы и къ изученію психическихъ явленій, какъ это доказываютъ современныя психометрическія изысканія въ лабораторіи Вундта; но это не то-же, что̀ изученіе формъ и условій всякаго опыта, а слѣдовательно и общихъ формъ внѣшняго опыта—пространства и времени—въ метафизикѣ. Возможно, очевидно, метафизическое изученіе самыхъ основаній математики и такую задачу пытался, между прочимъ, выполнить Кантъ въ своей первой части „Критики чистаго разума“ (въ своемъ ученіи о пространствѣ и времени, какъ основахъ синтетическихъ сужденій въ области математики).

Установивъ главные виды научныхъ изслѣдованій, возвратимся къ вопросу о томъ, какимъ методомъ надлежитъ изслѣдовать вопросъ *о свободѣ воли*. Понятіе свободы воли, какъ-бы мы ни опредѣляли его содержаніе, имѣетъ тѣсное соотношеніе съ понятіемъ причинности. Всѣ отрицательныя ученія о свободѣ воли, признающія эту идею иллюзіей и самообманомъ, основаны на понятіи о „необходимой связи причинъ и дѣйствій“ и на признаніи невозможности мыслить какое-либо явленіе или дѣйствіе—безъ причины, необходимо его вызвав-

шей. Эти ученія оттого и называются „детерминизмомъ“, что признаютъ строго опредѣленную и предопредѣленную связь мотивовъ воли и фактовъ воли (т. е. хотѣній), какъ причинъ и дѣйствій (лат. determinare значитъ опредѣлять). Если Кантъ и Шопенгауэръ переносятъ идею свободы воли въ область умопостигаемой жизни духа или воли и отрицаютъ приложимость этой идеи къ области эмпирической или опытной душевной жизни, то это объясняется ихъ убѣжденіемъ, что и въ области отношеній явленій психическихъ царитъ тотъ-же неумолимый законъ причинности, какъ и въ области отношеній физическихъ явленій. Связь мотивовъ и дѣйствій въ области воли представляется имъ по существу тождественной связи причинъ и дѣйствій въ области матеріальнаго существованія. Идея причинности, понимаемая въ одинаковомъ общемъ значеніи, признается, подобно идеѣ времени, формою соотношенія столько-же явленій внутренняго опыта, сколько и явленій внѣшняго опыта. Отсюда ясно, что изслѣдованіе свободы воли тѣснѣйшимъ образомъ связано съ изслѣдованіемъ закона причинности, а такъ какъ несомнѣнно, что законъ причинности есть извѣстная форма психической жизни, подобно пространству и времени, и что самый способъ пониманія нами *явленій* опыта и ихъ отношеній зависитъ отъ значенія, которое мы придадимъ идеѣ причинности, то ясно, что изслѣдованіе закона причинности, а въ связи съ нимъ и идеи свободы воли, не можетъ быть всецѣло опытнымъ психологическимъ изслѣдованіемъ, а должно быть отнесено въ разрядъ изслѣдованій *метафизическихъ*, имѣю-

щихъ предметомъ изученіе самыхъ условій опыта и самой возможности того или другого рода явленій, какъ предметовъ познанія. Другими словами, при обсужденіи вопроса о свободѣ воли, дѣло идетъ не объ отысканіи фактовъ внутренняго опыта, которые-бы подтвердили существованіе свободы воли, а объ отысканіи извѣстнаго общаго критерія или принципа отношенія ко всѣмъ фактамъ внутренняго опыта,—задача изслѣдователя состоитъ не въ обобщеніи данныхъ въ опытѣ признаковъ явленій въ извѣстный законъ, а въ логическомъ построеніи и выведеніи извѣстныхъ, независимыхъ отъ данной суммы явленій опыта, истинъ, которыя-бы дали возможность наблюдать и обсуждать эти явленія опыта правильно и плодотворно. Если математическія истины и математическіе методы даютъ намъ такое прекрасное орудіе для опытнаго изученія явленій физическихъ, химическихъ и отчасти біологическихъ, то эти истины и методы выработаны были математикой, а не физикой и химіей путемъ изученія физическихъ и химическихъ явленій. Совершенно того-же мы должны ожидать въ будущемъ и отъ научной метафизики: она должна дать намъ такія истины и такіе методы, которые послужили-бы орудіемъ для правильнаго и плодотворнаго изученія психическихъ явленій въ опытной наукѣ—психологіи. Слѣдовательно, не психологическимъ методомъ самонаблюденія возможно разрѣшить вопросъ о свободѣ воли, а самая судьба психологіи, какъ опытной науки, и ея методовъ самонаблюденія и наблюденія зависитъ всецѣло отъ правильнаго рѣшенія вопроса о свободѣ воли и вообще отъ правильнаго

метафизическаго анализа формъ и отношеній, лежащихъ въ основаніи внутренняго опыта. Мы слишкомъ привыкли переносить въ область психическихъ отношеній тѣ формы и понятія, съ которыми обыкновенно обращаемся въ сферѣ физическихъ отношеній. Я уже не говорю о распространеніи на область психическихъ явленій (безъ всякаго предварительнаго оправданія такого права) самыхъ отвлеченныхъ понятій „причинности“ и „необходимости“ въ томъ самомъ ихъ значеніи, въ какомъ мы прилагаемъ ихъ къ анализу явленій физическихъ, явленій внѣшняго опыта. Мы безпрестанно прилагаемъ къ области фактовъ сознанія и такія опредѣленія, которыя взяты нами изъ міра болѣе конкретныхъ отношеній предметовъ внѣшняго опыта.

Такъ напр., мы склонны оцѣнивать отношенія психическихъ явленій, какъ отношенія цѣлыхъ и частей; точно также, когда мы говоримъ объ отношеніи идей, чувствъ, страстей, умственныхъ способностей другъ къ другу, то часто прилагаемъ для обозначенія ихъ взаимныхъ отношеній идеи большого и малаго, крупнаго и мелкаго и др.: „великая идея, большія способности, мелкія чувства, крупный талантъ“. Мы не говоримъ, что всѣ эти опредѣленія не имѣютъ никакой цѣны, но мы должны напомнить, что всѣ эти понятія въ отношеніи къ явленіямъ психическимъ употребляются въ метафорическомъ, *переносномъ* значеніи. Отношенія цѣлыхъ и частей, большого и малаго и др. под. реально мыслимы только въ приложеніи къ пространственнымъ величинамъ, а категорія пространства къ явленіямъ душевной жизни не приложима. Отсюда ясно, какъ еще

бѣденъ языкъ человѣческій въ отношеніи къ общимъ понятіямъ, способнымъ выражать правильно сходства, различія и другія соотношенія въ области явленій внутренняго опыта. Въ самое понятіе психическаго *явленія* примѣшивается много ассоціацій изъ области отношеній чисто физическихъ, какъ это доказываютъ попытки матеріалистовъ „локализировать“ психическія явленія, т. е. мыслить ихъ въ формахъ пространства. А между тѣмъ, категоріи внѣшняго и внутренняго опыта, отношеніе физическихъ и психическихъ явленій, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, существенно различны и даже отчасти противоположны. Что́-бы мы сказали, если-бы архитекторъ, строящій домъ, придумавъ какую-либо особую квадратную мѣру для измѣренія площади стѣнъ своей постройки, попытался затѣмъ приложить эту мѣру къ измѣренію своихъ архитектурныхъ замысловъ и изобрѣтеній, опредѣляя „длину“ и „ширину“ своихъ мыслей? Мы признали-бы его съумашедшимъ. А между тѣмъ, мы именно сами такъ безпрестанно и поступаемъ, употребляя въ психологическихъ изысканіяхъ и описаніяхъ термины и выраженія, заимствованныя изъ области болѣе привычныхъ намъ изслѣдованій физическихъ явленій. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ изученіи внутренней, душевной жизни наука не дошла еще и до того момента, когда она обладаетъ всѣми средствами для правильнаго наименованія описываемыхъ и изучаемыхъ ею явленій.

И оттого дѣло будущей метафизики, какъ науки, выработать самую терминологію психологіи, и вопросъ о свободѣ воли есть, между прочимъ, одинъ изъ основ-

ныхъ вопросовъ психологической терминологіи. Отъ рѣшенія его зависитъ не только окончательное, точное опредѣленіе спеціальныхъ терминовъ воли, хотѣнія, желанія и др. под., но и опредѣленіе истиннаго значенія такихъ общихъ понятій, которыя мы безпрестанно употребляемъ въ психологическомъ анализѣ, какъ напр., понятій мотива и дѣйствія, основанія и слѣдствія, внутренней необходимости и даже „психическаго явленія“.

Уяснивъ себѣ общій методъ изслѣдованія вопроса о свободѣ воли, который мы опредѣлили, какъ *метафизическій*, а не психологическій, попробуемъ теперь прежде всего опредѣлить, что содержитъ въ себѣ понятіе свободы воли.

2. Опредѣленіе понятій воли и свободы воли.

При выполненіи этой задачи становится особенно яснымъ, какъ недостаточно однихъ эмпирическихъ данныхъ для правильной постановки и рѣшенія вопроса о свободѣ воли.

Въ понятіе свободы воли входятъ два частныя понятія „воли“ и „свободы“. Попробуемъ опредѣлить ихъ эмпирическое содержаніе.

Понятіе воли эмпирически обнимаетъ извѣстную сумму явленій, которыя мы выражаемъ терминами „влеченій,“ а именно стремленій, желаній, хотѣній,—и „дѣйствій“, а именно движеній и дѣйствій въ тѣсномъ смыслѣ и поступковъ. Все это „проявленія воли“, говоримъ мы. Такъ-какъ всякое понятіе содержитъ въ

себѣ эмпирически извѣстную сумму общихъ признаковъ, свойственныхъ всѣмъ явленіямъ, подъ него подводимымъ, то и въ понятіи воли, если оно эмпирическое понятіе, нужно искать этихъ общихъ признаковъ упомянутыхъ различныхъ классовъ явленій.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ душевнымъ явленіямъ, замѣчается тотъ общій признакъ, что они суть дѣятельныя или активныя состоянія нашего сознанія и вообще субъекта, между тѣмъ какъ ощущенія, чувствованія, идеи, чувства суть страдательныя или пассивныя состоянія, которыя мы испытываемъ подъ вліяніемъ воздѣйствій среды или процессовъ, совершающихся въ нашемъ собственномъ организмѣ *). Это не значитъ, конечно, что наша воля не можетъ вліять на процессы воспріятія, мышленія и чувства—напротивъ, по мѣрѣ развитія нашего внутренняго психическаго содержанія, воля при посредствѣ вниманія все болѣе и болѣе вліяетъ на смѣну нашихъ ощущеній, идей, чувствъ и волненій. Но во-первыхъ, мы называемъ ея проявленія и въ этихъ областяхъ не ощущеніями, чувствами, представленіями, понятіями и т. под., а стремленіями, хотѣніями, дѣйствіями. Во-вторыхъ, какъ-бы ни было велико ея участіе въ умственныхъ процессахъ и смѣнѣ чувствъ, все-таки самыя состоянія мысли и чувства вызываются непосредственно не волей, а извѣстными предметами, про-

*) Болѣе подробный анализъ основныхъ классовъ психическихъ явленій читатель найдетъ въ нашей статьѣ-рѣчи „О значеніи чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“. Москва. 1889 г.

цессами и впечатлѣніями въ мірѣ и организмѣ, которыя направляются и видоизмѣняются волей; слѣдовательно, непосредственно всѣ эти состоянія не суть состоянія волевыя, а суть развѣ косвенныя дѣйствія воли, болѣе или менѣе отдаленные результаты ея состояній и проявленій.

Такимъ образомъ, главный признакъ явленій, обнимаемыхъ въ понятіи воли, это—ихъ активный, дѣятельный характеръ.

Во внутреннемъ опытѣ явленія воли отличаются нами отъ другихъ явленій при посредствѣ особаго ощущенія усилія, которое всѣ эти явленія сопровождаетъ и характеризуетъ. Но въ понятіи воли содержится болѣе, чѣмъ этотъ общій признакъ активности, свойственной ея явленіямъ. Мы понимаемъ и представляемъ себѣ волю, какъ *источникъ* этой активности, т. е. всѣхъ этихъ дѣятельныхъ состояній—стремленій, желаній, хотѣній, движеній, дѣйствій и поступковъ. Поэтому-то, не смотря на явную разнородность внутреннихъ или *субъективныхъ* проявленій воли, обозначаемыхъ терминомъ стремленій, желаній и хотѣній, и внѣшнихъ, или объективныхъ проявленій ея, обозначаемыхъ терминами движеній, дѣйствій, поступковъ, мы ихъ объединяемъ въ одномъ понятіи воли, причемъ мы скорѣе „приписываемъ“ всѣ эти явленія двоякаго порядка волѣ, какъ ихъ общей причинѣ, какъ-бы внѣ ихъ стоящей, чѣмъ обнимаемъ въ понятіи воли самыя дѣйствія или результаты, производимыя этой причиной.

Такимъ образомъ, очевидно, въ понятіи воли лежитъ болѣе признаковъ, чѣмъ сколько можетъ быть эмпири-

чески отвлечено нами изъ содержанія „явленій“ воли. Эти такъ-называемыя явленія воли суть не столько „явленія“ ея, въ обычномъ смыслѣ термина, сколько „проявленія“. Воля представляется намъ въ формѣ „силы“ или „дѣятеля“, производящаго всѣ эти явленія и противоположнаго тѣмъ дѣятелямъ или силамъ, которыя производятъ другія психическія явленія, а именно ощущенія, воспріятія, представленія, понятія, чувствованія, чувства, волненія. Эти послѣдніе дѣятели и силы разсматриваются по отношенію къ нашему „я“ или субъекту, какъ „внѣшніе“ дѣятели и силы. Воля-же представляется *внутреннимъ*, отчасти отъ нихъ независимымъ и по природѣ совершенно своеобразнымъ и существенно отличающимся отъ нихъ дѣятелемъ, или силою. Откуда-же берется эта идея внутренняго дѣятеля? Если она не обобщается изъ признаковъ явленій, которыя разсматриваются сами, какъ его порожденія или произведенія, то значитъ вообще эта идея берется не изъ опыта, а вкладывается въ опытъ, какъ нѣчто готовое, его обусловливающее. Можетъ, конечно, явиться предположеніе, что эта идея „дѣятеля“ взята нами изъ внѣшняго опыта и затѣмъ по аналогіи перенесена нами и въ область внутренняго опыта. Но это дѣтски-наивное предположеніе можетъ придти въ голову только невѣжественному въ психологіи и никогда критически не мыслившему человѣку. Въ явленіяхъ внѣшняго опыта мы имѣемъ дѣло только съ измѣненіями, движеніями, производимыми неизвѣстными и недоступными для внѣшняго опыта дѣятелями. Поэтому и физическая наука гово-

ритъ объ „энергіи“, только какъ о совокупности движеній или перемѣнъ, предшествующихъ другимъ перемѣнамъ, и называемыхъ въ совокупности „работой“, и отказывается опредѣлить внутреннія силы, производящія энергіи тѣлъ или ихъ способности къ извѣстнымъ суммамъ движеній, т. е. къ работѣ извѣстной величины. Изъ внѣшняго опыта нельзя прямо извлечь понятія о какомъ-либо дѣятелѣ, или реально-дѣйствующей силѣ. Если мы и говоримъ о внѣшнихъ дѣятеляхъ или силахъ, то именно лишь по аналогіи съ внутреннимъ дѣятелемъ или силою—волею, который непосредственно извѣстенъ намъ изъ внутренняго опыта, а не наоборотъ. Стало быть, идея воли, какъ „дѣятеля“, есть или продуктъ непосредственнаго воспріятія нашего дѣятельнаго „*я*“ или субъекта, какъ цѣлаго, или-же прирожденная идея, или, наконецъ, извѣстная апріорная, т. е. независимая отъ всякаго опыта, форма мышленія или форма воспріятія явленій опыта. Другими словами, идея эта не есть опытная идея, образовавшаяся изъ обобщенія признаковъ частныхъ явленій, а во всякомъ случаѣ есть продуктъ непосредственной интуиціи (intuition) или безсознательнаго воззрѣнія, какъ и идеи пространства, времени, причинности и др. подобныя.

Обратимся теперь къ анализу понятія *свободы* воли. Шопенгауэръ былъ отчасти правъ, утверждая, что понятіе это *отрицательное*, — что оно обозначаетъ отсутствіе всякаго принужденія, насилія, необходимости, т. е. всякаго препятствія или сопротивленія. Но онъ былъ глубоко не правъ, полагая, что оно содержитъ

въ себѣ *только* отрицательные признаки. Современемъ мы убѣдимся напротивъ, что существенное содержаніе этого понятія именно положительное, а не отрицательное; понятія-же принужденія и необходимости составляются изъ отрицанія или противуположенія понятію свободы.

Говоря о свободѣ чего-либо или кого-либо отъ чего-либо, или кого-либо другого, мы всегда разумѣемъ извѣстное отношеніе „силъ или дѣятелей“ между собою — внѣ силъ и дѣятелей не можетъ быть и рѣчи о свободѣ: о свободѣ *явленій*, въ собственномъ смыслѣ слова, мы никогда не говоримъ. Если мы говоримъ „свободная теплота, свободное электричество, свободное теченіе рѣки, свободная печать, свободное чувство, свободная жизнь“, то разумѣемъ свободу силъ, производящихъ явленія теплоты и теченіе воды и свободу дѣятелей, что-либо печатающихъ и отдающихся извѣстнымъ чувствамъ и извѣстной жизни, — свободу ихъ отъ всякихъ стѣсненій, сопротивленій, препятствій и насилій со стороны другихъ дѣятелей, физическихъ или психическихъ. Но именно потому, говоря о свободѣ этихъ силъ и дѣятелей, мы всегда разумѣемъ въ то-же время ихъ зависимость отъ самихъ себя, отъ собственной природы и законовъ дѣйствія. Поэтому утвержденіе противниковъ физическаго детерминизма, что идея свободы воли не только отрицательная, но и положительная идея, означающая способность *самоопредѣленія* воли, т. е. ея зависимость только отъ самой себя и своихъ законовъ, совершенно вѣрно. Воля есть *дѣятель*, или внутренняя дѣятельная сила;

положеніе, что она свободна, означаетъ, что этотъ дѣятель свободенъ отъ другихъ дѣятелей и что его проявленія, или порождаемыя имъ явленія, т. е. стремленія, желанія, хотѣнія, дѣйствія и поступки, зависятъ въ концѣ концовъ отъ него самого, а не отъ другихъ дѣятелей, съ которыми онъ находится во взаимодѣйствіи. Едва-ли возможно утверждать, что это положеніе чисто отрицательное. Шопенгауэръ полагаетъ, что совершенно отрицательный смыслъ этого понятія зависитъ отъ его противоположности положительному понятію *необходимости*. Необходимость-же онъ опредѣляетъ, какъ то свойство, въ силу котораго что-либо вытекаетъ какъ слѣдствіе изъ даннаго достаточнаго основанія, при чемъ это основаніе можетъ быть логическое, математическое, или физическое, называемое „причиною“ (Свобода воли, I). Но при этомъ Шопенгауэръ предрѣшаетъ вопросъ о тождествѣ отношенія причины и дѣйствія съ одной стороны,—основанія и слѣдствія, съ другой, т. е. о тождествѣ характера взаимной зависимости физическихъ и психическихъ явленій между собою и, слѣдовательно о тождествѣ необходимости физической и психической, не замѣчая того, что вопросъ объ истинномъ характерѣ зависимости воли, какъ дѣятеля, отъ самой себя — отъ своей природы и своихъ внутреннихъ законовъ дѣйствія—совершенно обходится, а не разрѣшается. Воля дѣйствуетъ по мотивамъ: это мы всѣ признаемъ. Но какова эта связь воли съ мотивами еще неизвѣстно. Дѣйствуютъ-ли мотивы на волю съ той роковой необходимостью, съ какою дѣйствуютъ причины въ мірѣ

физическомъ? Или законъ дѣйствія мотивовъ, т. е. „психическаго“ дѣйствія, совершенно иной, и ничего рокового во вліяніи мотивовъ на волю не существуетъ, — этотъ вопросъ вовсе не изслѣдуется, потому что вопросъ о тождествѣ отношенія мотивовъ и дѣйствій въ области сознанія, и причинъ и дѣйствій, въ мірѣ физическомъ, тоже уже предрѣшенъ. А между тѣмъ въ немъ-то и заключается, какъ мы увидимъ позже, вся сущность вопроса о свободѣ воли. Непосредственное самосознаніе ясно говоритъ намъ, что наша воля, какъ дѣятель, свободна, т. е. зависитъ отъ самой себя. Это значитъ: или, что она сама изъ себя можетъ творить мотивы, способные побѣждать мотивы, порождаемые другими силами и дѣятелями, или, что если она сама и не творитъ мотивовъ, то все-таки не находится къ нимъ въ принудительномъ отношеніи безусловной зависимости, а можетъ дѣйствовать или не дѣйствовать, сообразно съ извѣстными данными мотивами. Да и что такое мотивъ воли, что это за сила, откуда она берется, какъ она дѣйствуетъ?

Если мы хотимъ опровергнуть или подтвердить непосредственное эмпирическое показаніе нашего самосознанія о свободѣ нашей воли, какъ внутренняго дѣятеля, то должны, очевидно, подвергнуть тщательному анализу понятія мотива и мотиваціи въ ихъ соотношеніи съ понятіями причины и причинности, т. е. должны опредѣлить источники этихъ понятій, ихъ значеніе и сферу ихъ приложимости. А эти понятія, какъ мы видѣли, суть общія формы и условія опыта и изслѣдованія явленій опыта. Слѣдовательно, на основаніи

однихъ эмпирическихъ данныхъ мы никогда правильно ихъ не опредѣлимъ. Для рѣшенія этой задачи требуется сложная логическая работа *критики* данныхъ нашего самосознанія, т. е. основныхъ понятій нашего ума или категорій его познанія, а эта критика есть дѣло *метафизическаго*, независимаго отъ „явленій“ опыта, изслѣдованія и построенія. Если уже въ понятіи воли мы принуждены, какъ было показано, признать элементъ внѣ-опытный, а именно присутствіе идеи дѣятеля, производящаго извѣстныя психическія явленія, тѣмъ болѣе въ изслѣдованіи свободы воли, т. е. внутреннихъ свойствъ этого дѣятеля и отношеній его къ другимъ дѣятелямъ природы, которые для непосредственнаго опыта недоступны, придется непремѣнно выйти за предѣлы „явленій“ опыта. Понятіе свободы воли содержитъ идею независимости этого нашего внутренняго дѣятеля отъ принудительнаго дѣйствія другихъ, внѣшнихъ дѣятелей. Слѣдовательно, вопросъ о свободѣ воли сводится къ вопросу: *о возможности такой свободы* психическаго дѣятеля отъ другихъ дѣятелей и *о характерѣ его зависимости отъ самого себя*, а это и есть вопросъ объ отношеніи мотивовъ воли къ ея актамъ. Если мы вникнемъ глубже въ эти вопросы, то увидимъ легко, что они сводятся къ еще болѣе глубокому вопросу — о соотношеніи и взаимной зависимости психическихъ дѣятелей или силъ и физическихъ дѣятелей или силъ другъ отъ друга, или, что то-же, — къ вопросу объ истинной природѣ основныхъ дѣятелей и силъ въ мірѣ. Въ глубокомъ метафизическомъ значеніи этого вопроса едва-ли кто-нибудь можетъ усум-

ниться и намъ остается теперь сдѣлать попытку правильно разобраться во всѣхъ перечисленныхъ и другъ съ другомъ тѣсно связанныхъ метафизическихъ вопросахъ.

3. Отношеніе понятій причины и дѣйствія, основанія и слѣдствія, мотива и дѣйствія.

Основной метафизическій вопросъ, который намъ предстоитъ разрѣшить, есть вопросъ о соотношеніи идеи причинности и идеи мотивації. Для обыкновеннаго, некритическаго сознанія законъ причинности, выражающій необходимую связь дѣйствій съ ихъ причинами, представляется основнымъ закономъ природы, или по крайней мѣрѣ, основнымъ закономъ соотношенія и взаимной связи всѣхъ „явленій“ природы, какъ физическихъ, такъ и психическихъ. Частною формою закона причинности представляется законъ основанія, или законъ связи основаній и слѣдствій, въ области психическихъ явленій и особенно явленій мысли. Каждое психическое явленіе — ощущеніе, чувство, представленіе, понятіе, желаніе, поступокъ, — должно имѣть основаніе въ извѣстныхъ другихъ психическихъ явленіяхъ или процессахъ. Объясняя свои душевныя состоянія и явленія, мы всегда употребляемъ выраженія „потому что, — вслѣдствіе того, что, — такъ и такъ, — оттого, что,“ и др. под. „Я сдѣлалъ это потому, что это хорошо, — я желалъ пойти гулять, потому что движеніе мнѣ пріятно или полезно, — я такъ думаю вслѣдствіе того, что знаю такіе-то и такіе-то факты, оправдывающіе мое сужденіе, — я чувствую негодованіе, потому что поступокъ

господина N. безчестенъ“ и т. д. Очевидно, всѣ психическія явленія связаны между собою, какъ основанія и слѣдствія, и логическая связь понятій съ представленіями, сужденій съ понятіями, на которыхъ они основаны, и умозаключеній съ сужденіями или посылками, на которыя они опираются, есть только частная форма общей связи душевныхъ явленій, какъ основаній и слѣдствій. И эта необходимая связь психическихъ явленій есть повидимому только частная форма причинной связи. Не даромъ-же многія психическія явленія представляются зависимыми не отъ другихъ психическихъ явленій, а отъ физическихъ явленій и перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ, напр. наши ощущенія. Здѣсь, повидимому, основанія психическихъ явленій вполнѣ совпадаютъ съ ихъ причинами — внѣшними физическими перемѣнами. Точно такъ-же на другой пограничной чертѣ физическаго и психическаго міра слѣдствія совпадаютъ съ дѣйствіями. Слѣдствіями нашихъ хотѣній и соотвѣтствующихъ движеній или поступковъ нашихъ являются перемѣны во внѣшней средѣ, въ предметахъ міра, на которыя наша воля дѣйствуетъ, при чемъ наше хотѣніе является какъ-бы причиною внѣшняго физическаго дѣйствія, т. е. перемѣны въ состояніи предмета.

Такимъ образомъ некритическому сознанію представляется, что связь основаній и слѣдствій есть лишь спеціальная, такъ сказать изнутри созерцаемая нами, форма связи причинъ и дѣйствій. Еще болѣе частною формою той-же связи или особою формою отношенія основаній и слѣдствій представляется связь мотивовъ

и дѣйствій въ области воли: наши дѣйствія и поступки имѣютъ мотивами наши стремленія и хотѣнія, которыя должны быть признаны ихъ „основаніями“, а наши стремленія и хотѣнія имѣютъ мотивами наши ощущенія, чувствованія, идеи и чувства, которыя въ свою очередь являются ихъ основаніями. Поэтому, въ понятіи мотивацiи или зависимости психическихъ состояній отъ извѣстныхъ мотивовъ, мы разумѣемъ повидимому лишь ту особую форму связи основаній и слѣдствій, которая проявляется въ отношеніи дѣятельныхъ душевныхъ состояній, т. е. актовъ воли, къ ихъ основаніямъ или причинамъ. Стало быть, связь мотивовъ и дѣйствій представляется такою-же частною формою связи основаній и слѣдствій, какъ эта послѣдняя — формою связи причинъ и дѣйствій. Во всемъ мірѣ явленій царитъ законъ причинности, — въ области отношеній психическихъ явленій между собою причинная зависимость выражается въ спеціальномъ понятіи зависимости однихъ явленій, какъ слѣдствій, отъ другихъ, какъ основаній, а еще спеціальнѣе — въ области явленій воли — эта связь выражается понятіемъ зависимости дѣйствій отъ ихъ мотивовъ, при чемъ понятіе „мотива“, по этимологіи слова, означаетъ „двигателя“ и потому примѣняется лишь въ области психическихъ „движеній“ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. въ области субъективныхъ и объективныхъ проявленій воли.

Это популярное представленіе объ отношеніи различныхъ классовъ явленій, физическихъ и психическихъ, съ точки зрѣнія ихъ взаимной зависимости, лежитъ въ основаніи большей части современныхъ *детер-*

министическихъ ученій о волѣ, отрицающихъ ея свободу, и въ особенности распространено среди физіологовъ и вообще натуралистовъ.

Но *критическое* отношеніе къ понятіямъ нашего ума, не дозволяетъ остановиться на этой, повидимому, столь простой и столь вѣрной ихъ дедукціи, ибо для критическаго размышленія прежде всего возникаетъ вопросъ: откуда-же берется само понятіе причинности, признаваемое наиболѣе общимъ и основнымъ? Юмъ доказалъ, что это понятіе не можетъ быть взято нами изъ внѣшняго опыта, ибо внѣшній опытъ представляетъ только „послѣдовательности“ явленій и, если даже возможно для насъ ясно отличать постоянныя и неизмѣнно повторяющіяся послѣдовательности отъ измѣнчивыхъ и случайныхъ, то вѣдь и это противоположеніе возникаетъ въ концѣ концовъ лишь на субъективной почвѣ усмотрѣнія „извѣстнаго постояннаго или непостояннаго преемства нашихъ воспріятій и идей“, связывающихся въ болѣе или менѣе прочныя послѣдовательности, при участіи памяти и по законамъ ассоціаціи. Но кромѣ того, если мы и можемъ отличать на субъективной почвѣ постоянныя преемства явленій отъ непостоянныхъ, то первыя, будучи слѣдствіемъ извѣстнаго количества опытовъ, не могутъ все-таки заключать въ себѣ самихъ ручательства въ своей безусловной прочности, т. е. *въ необходимости* ихъ связи, такъ-какъ мы всегда можемъ предположить, что могутъ явиться новые опыты, въ которыхъ намъ представятся новыя преемства явленій, уничтожающія смыслъ первыхъ. Напр. если мы находимъ въ опытѣ тотъ фактъ, что лѣтомъ

въ сухую погоду сгараетъ извѣстное количество русскихъ деревень, то такое постоянное преемство явленій не даетъ права заключать о его „необходимости“. Для оправданія необходимости преемства, т. е. причинной связи, мы ищемъ болѣе глубокаго соотношенія явленій и не можемъ довольствоваться фактомъ обыкновенной послѣдовательности. Но это болѣе глубокое отношеніе мы усматриваемъ *логически*, а не изъ непосредственнаго чередованія воспріятій. Въ понятіи связи причины и дѣйствія прежде всего лежитъ понятіе необходимости, неизмѣнности отношенія и это понятіе, очевидно, не можетъ быть взято изъ опыта „извѣстнаго количества“ преемствъ явленій, которыя мы наблюдали. Вслѣдствіе этого Кантъ и предположилъ, что идея причинности есть независимая отъ опыта „апріорная“ форма разсудочной дѣятельности, устанавливающей различныя отношенія между явленіями опыта. Шопенгауэръ пошелъ еще дальше и, признавъ весь міръ явленій внѣшняго опыта произведеніемъ нашего субъекта, нашей субъективной познавательной способности, пытался доказать, что идея связи причинъ и дѣйствій есть частная форма „закона достаточнаго основанія“, какъ основного закона нашего познанія и мышленія. Причины и дѣйствія — это такъ сказать только *объективированныя* нашимъ умомъ или перенесенныя въ міръ *объектовъ*, создаваемыхъ нашимъ-же субъектомъ, основанія и слѣдствія. Непосредственно мы знаемъ только связь основаній и слѣдствій, связь нашихъ воспріятій, представленій и идей между собою, но нѣкоторымъ изъ соотношеній воспріятій и идей, какъ основаній и

слѣдствій, мы приписываемъ объективную цѣну въ особомъ мірѣ физическихъ объектовъ, создаваемыхъ нашею познавательною способностью, и здѣсь превращаемъ идею связи основаній и слѣдствій въ идею связи причинъ и дѣйствій. Другою формою закона достаточнаго основанія является законъ *мотивації*, въ которомъ мы выражаемъ связь нашихъ дѣйствій съ ихъ достаточными основаніями. Въ той степени, въ какой и въ понятіи причины и дѣйствія мы мыслимъ тоже дѣйствія „чѣмъ-либо или кѣмъ-либо причиненныя", можно признать, по мнѣнію Шопенгауэра, что идея мотивації есть идея причинности или идея связи причинъ и дѣйствій „усматриваемая нами изнутри".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ — и въ своемъ сочиненіи „О четверояkомъ корнѣ закона достаточнаго основанія", и въ своей монографіи „О свободѣ воли"—Шопенгауэръ признаетъ, что мотивація есть лишь частная и самая спеціальная форма причинности: въ мірѣ чисто физическомъ (неорганическомъ) господствуетъ только причинность, въ мірѣ органическомъ причинность принимаетъ форму отношенія „раздраженій къ ихъ дѣйствіямъ", а въ мірѣ животныхъ организмовъ—въ мірѣ психо-органическомъ—та-же причинность принимаетъ характеръ мотивації, т. е. отношенія мотивовъ къ дѣйствіямъ.

„Мотивація есть причинность, проходящая чрезъ познаніе", говоритъ Шопенгауэръ (О свободѣ воли, III), что совпадаетъ съ его положеніемъ, что мотивація есть особая форма закона достаточнаго основанія.

Такимъ образомъ, критическій анализъ понятій нашего ума уже отчасти измѣнилъ то соотношеніе поня-

тій, какое представляется самымъ естественнымъ для популярнаго сознанія. Идея причинности не есть основная идея, а есть форма идеи достаточнаго основанія, такъ какъ о связи причинъ и дѣйствій въ мірѣ физическихъ явленій мы узнаемъ лишь чрезъ посредство связи нашихъ воспріятій и идей между собою, какъ основаній и слѣдствій. При этомъ, связь мотивовъ и дѣйствій представляется другою частною формою связи основаній и слѣдствій, а именно въ области нашихъ дѣйствій и поступковъ. Въ этомъ послѣднемъ положеніи Шопенгауэръ еще раздѣляетъ точку зрѣнія популярнаго сознанія, разсматривающаго связь основаній и слѣдствій, какъ болѣе основную и коренную въ отношеніи къ связи мотивовъ и дѣйствій.

Но если продолжить далѣе работу критическихъ философовъ въ анализѣ основныхъ понятій, при помощи которыхъ мы устанавливаемъ отношенія между явленіями опыта, и для этой цѣли еще болѣе углубиться въ сферу самопознанія, то получится выводъ, столь же неизбѣжный, сколько и поучительный, а именно, что *основная идея объ отношеніяхъ взаимной зависимости между явленіями опыта есть идея мотивацiи*, а не идея связи основаній и слѣдствій. Всѣ-же остальныя идеи суть ея порожденія и ея спеціальныя формы. Для того, чтобы убѣдиться въ истинности этого положенія, необходимо подвергнуть идею мотивацiи всестороннему анализу.

4. Анализъ идеи мотивацiи и происхожденіе понятія причинности.

Мы уже указали, мимоходомъ, что идея мотива имѣетъ двоякое значеніе и употребленіе. Мы называемъ

мотивами нашихъ движеній, дѣйствій и поступковъ наши стремленія, желанія, хотѣнія. „Я пишу эту статью потому, что хочу послужить истинѣ и помочь другимъ людямъ разобраться въ сложныхъ и весьма важныхъ для жизни понятіяхъ“. Мотивомъ моего дѣйствія является извѣстное желаніе, хотѣніе.

Но въ свою очередь, и желанія и хотѣнія имѣютъ свои мотивы, — а именно *повидимому* въ чувствахъ, понятіяхъ, ощущеніяхъ. „Я хочу принести пользу людямъ потому, что ихъ люблю,—я желаю отстоять свободу воли подъ вліяніемъ извѣстныхъ понятій о природѣ и ея законахъ, которыя сложились въ моемъ умѣ“ и т. д. Всѣ эти двигательные импульсы къ тѣмъ или другимъ желаніямъ и хотѣніямъ мы называемъ также „мотивами“. Слѣдовательно, субъективные акты воли—влеченія—имѣютъ также свои мотивы. Идея мотива выражаетъ, какъ мы замѣтили, понятіе „двигателя“. Есть, слѣдовательно, два рода двигателей въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, а именно наши собственныя дѣятельныя состоянія, производящія наши дѣйствія, и наши воспріятія и вообще страдательныя состоянія, являющіяся въ извѣстномъ смыслѣ двигателями по отношенію къ нашимъ влеченіямъ.

Значеніе этихъ двигателей двоякаго рода весьма различно. Наши хотѣнія и вообще влеченія, разъ они вполнѣ опредѣлились, естественно и необходимо переходятъ въ дѣйствія и поступки. Зависимость нашихъ дѣйствій отъ хотѣній роковая, непреложная. Конечно, въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ наши дѣйствія могутъ измѣняться и извращаться подъ вліяніемъ внѣш-

нихъ препятствій, но въ своемъ внутреннемъ психическомъ моментѣ извѣстный двигательный импульсъ есть роковое дѣйствіе извѣстнаго хотѣнія. Это роковое дѣйствіе есть слѣдствіе самой нашей психической организаціи, основныхъ свойствъ нашей дѣятельной психической силы, нашей воли, и мы думаемъ, что коренное содержаніе идеи причинности, какъ идеи *необходимой* связи дѣйствій съ ихъ причинами, заимствуется нами именно изъ непосредственнаго сознанія этой связи *нашихъ* дѣйствій съ извѣстными *нашими* актами воли.

Оттого и термины „причины“ и „дѣйствія“ имѣютъ въ основаніи своемъ психологическія ассоціаціи. Терминъ „причины“ происходитъ отъ глагола причинять, чинить, т. е. производить, дѣлать, терминъ „дѣйствія“ отъ „дѣйствовать“. Въ идеѣ отношенія причины и дѣйствія мыслится „причинившій извѣстное дѣйствіе дѣйствователь или дѣятель“. Идея „необходимости“ этого причиненія есть выраженіе непосредственнаго сознанія той непреложной внутренней связи нашихъ дѣйствій съ хотѣніями, которая является выраженіемъ внутренней природы нашей воли „въ ея дѣйствіи“. Въ понятіи, „я хочу“ уже лежитъ эта идея необходимости послѣдующаго дѣйствія, т. е. невозможности для насъ „обойти его“ при наличности даннаго хотѣнія. Оно выражаетъ уже начавшееся, направившееся въ извѣстную сторону, движеніе, долженствующее роковымъ образомъ перейти въ эту новую свою форму, которая называется дѣйствіемъ, поступкомъ. Это— „внутреннее движеніе“, которое не можетъ не выразиться во „внѣшнемъ движеніи“. И такой именно

„*не*-обходимый“ переходъ извѣстнаго внутренняго движенія во внѣшнее мы и разумѣемъ, когда говоримъ о превращеніи причинъ въ дѣйствія въ мірѣ физическомъ. Такимъ образомъ, корень идей причинности и необходимости лежитъ въ идеѣ отношенія воли, какъ двигателя или мотива, къ ея дѣйствіямъ или проявленіямъ. И теперь намъ понятно, откуда берется сознаніе необходимости и непреложности отношенія дѣйствій къ ихъ причинамъ. Но откуда берутся сами причины *не*-обходимыхъ дѣйствій? Если дѣйствіе необходимо вытекаетъ изъ извѣстной причины, то причина реально нисколько не обусловливается своимъ дѣйствіемъ, она по отношенію къ своему дѣйствію свободна. Можетъ быть она есть въ свою очередь необходимое дѣйствіе другой причины? Такъ мы и представляемъ себѣ дѣло въ мірѣ физическихъ явленій. Но при этомъ мы забываемъ одно: что, говоря о цѣпи причинъ и дѣйствій, мы въ сущности говоримъ лишь о цѣпи послѣдовательныхъ дѣйствій или о цѣлой системѣ дѣйствій одной болѣе отдаленной и первоначальной причины. Практически можетъ-быть очень удобно называть въ цѣпи дѣйствій *ближайшее предшествующее дѣйствіе причиной ближайшаго послѣдующаго*, но вѣдь по первоначальному значенію идеи причинности нельзя иначе, какъ въ совершенно переносномъ смыслѣ, назвать одинъ изъ моментовъ дѣйствія причиной другого, т. е. причинившимъ этотъ другой моментъ дѣйствія. Всѣхъ ихъ причинила одна конечная причина, т. е. извѣстный дѣятель, а отдѣльный моментъ дѣйствія назвать дѣятелемъ въ буквальномъ смыслѣ слова невозможно; иначе пришлось-бы каждый

предшествующій моментъ движенія шара по плоскости назвать причиною послѣдующаго момента движенія и отождествить понятія движенія и двигателя, дѣйствія и причины. Несообразность такого отождествленія всего яснѣе обнаруживается въ психической области, откуда, какъ мы видѣли, заимствуется основное содержаніе идеи причинности. Если наше хотѣніе требуетъ для своего полнаго выраженія сложной цѣпи преемственныхъ движеній и дѣйствій, то мы признаемъ источникомъ всѣхъ этихъ движеній и дѣйствій свое хотѣніе, а не называемъ одно движеніе причиною другого. Напр., если мое хотѣніе написать статью о свободѣ воли и выразить ясно мои воззрѣнія объ этомъ предметѣ, вызываетъ рядъ движеній моей руки съ цѣлью изложенія моихъ мыслей, то я считаю причиною всѣхъ этихъ движеній, вмѣстѣ и порознь взятыхъ, упомянутое хотѣніе или его „отдѣльные моменты“, и не стану утверждать, что написаніе слова „моменты“ имѣло своею причиною написаніе слова „отдѣльные“. А между тѣмъ, при объясненіи физическихъ явленій, мы очень часто дозволяемъ себѣ такія утвержденія.

Для того, чтобъ понять, чѣмъ по истинѣ обусловливаются „причины“ извѣстныхъ „дѣйствій“, нужно изслѣдовать, отъ чего зависятъ самыя наши хотѣнія или вообще влеченія воли, причиняющія наши дѣйствія. Ихъ мотивы или двигатели заключаются, какъ мы сказали, повидимому въ воспріятіяхъ, т. е. въ ощущеніяхъ, идеяхъ, чувствованіяхъ и чувствахъ. Какого характера эти мотивы или двигатели и каково ихъ отношеніе къ актамъ воли? Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ но-

вымъ значеніемъ понятія „мотива“ или внутренняго двигателя. Если намъ скажутъ, что воспріятія являются *необходимыми основаніями* извѣстныхъ актовъ воли, то этимъ отвѣтомъ ничего не будетъ выяснено. Кто признаетъ и дѣлаетъ ихъ такими основаніями? Моя мысль. А что такое моя мысль, мое мышленіе? Извѣстнаго рода дѣятельность моего субъекта? Что такое мой субъектъ? Если я его понимаю, какъ источникъ дѣятельности, то онъ есть ничто иное, какъ моя воля. Итакъ, моя воля признаетъ и дѣлаетъ извѣстную идею, чувство, воспріятіе основаніемъ—чего? Своего-же акта или хотѣнія? На первый взглядъ, выходитъ нѣчто несообразное: воспріятіе явилось основаніемъ извѣстнаго акта воли, желанія или хотѣнія, потому что воля признала его достаточнымъ основаніемъ для этого своего акта. Источникъ необходимости явленія воли лежалъ-бы очевидно въ ней самой, признавшей необходимое значеніе извѣстнаго воспріятія, какъ основанія. Если-же изъ умственной дѣятельности изъять моментъ воли, то она перестала-бы быть *сознательною дѣятельностью*.

Вообще, объясненіе зависимости актовъ воли отъ ея мотивовъ, при помощи понятія „основанія“, никуда не годится, ибо понятіе основанія предполагаетъ сознательный актъ мысли, признающій извѣстное основаніе, а сознательный актъ или дѣйствіе мысли невозможны безъ участія воли, которая и рѣшаетъ судьбу воспріятій, какъ основаній для хотѣній. Если-же мы отвергнемъ это участіе сознанія и воли, то исчезнутъ и всякія „основанія“ тѣхъ или другихъ хотѣній.

Не слѣдуетъ-ли поэтому предположить, что сама не-

обходимость связи слѣдствій съ ихъ основаніями есть продуктъ дѣйствія воли, т. е. что понятіе основаній и слѣдствій есть тоже выводное понятіе, которое имѣетъ опять свой корень въ понятіи мотива (въ смыслѣ хотѣнія) и его дѣйствія? Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь даже въ строго-*логической* дѣятельности ума дѣло никогда не обходится безъ участія воли и *ея* мотивовъ. Никогда нельзя сказать, что какой-нибудь логическій выводъ слѣдствій изъ основаній роковымъ образомъ предопредѣленъ въ сознаніи даннаго человѣка, помимо его воли. Даже для признанія безусловной истинности положенія, что внѣшній міръ дѣйствительно существуетъ, нужно, какъ извѣстно, субъективное согласіе воли той личности, которая этотъ выводъ принимаетъ, — нужно, такъ сказать, мысленное подписаніе ея „я“ подъ этимъ положеніемъ, и цѣлый рядъ мыслителей съ самаго древняго времени отказывался признать эту повидимому столь несомнѣнную истину. Оттого, самыя на первый взглядъ очевидныя истины оспариваются многими субъектами и мы не считаемъ этотъ фактъ самъ по себѣ ненормальнымъ, а считаемъ это ихъ правомъ, и спрашиваемъ у нихъ только „основаній“ для оправданія этого ихъ права. Но что такое *эти* основанія какъ не *мотивы* воли, ими руководившіе и ими принятые? Принять-же или не принять извѣстный мотивъ, какъ основаніе извѣстнаго акта мысли, извѣстнаго вывода, есть дѣло личности. Такимъ образомъ, элементъ необходимости вносится въ связь основаній и слѣдствій самою личностью, *ея волею:* „я захотѣлъ принять извѣстное основаніе, положить извѣстное доказательство или аргу-

ментъ въ основаніе извѣстнаго вывода — и выводъ сталъ для меня необходимъ, въ силу самой природы моей воли, моего хотѣнія". Это наблюденіе подтверждается и другими фактами въ сферѣ умственной дѣятельности человѣка. Всякій знаетъ, что мы мыслимъ лишь на столько и до той поры, на сколько и пока *хотимъ* мыслить, и во всякое время можемъ не захотѣть болѣе мыслить, т. е. остановиться въ своихъ умозаключеніяхъ и не пойти дальше. Слѣдовательно, отъ нашей воли зависитъ *не выводить слѣдствій* изъ данныхъ въ нашемъ умѣ основаній, или-же *вывести ихъ*. Знаніе многихъ вещей, а слѣдовательно и наличность въ нашемъ умѣ тѣхъ или другихъ фактовъ и наблюденій, какъ *основаній* или *посылокъ* для слѣдствій и выводовъ, точно также зависитъ отъ нашей воли, такъ какъ зависитъ отъ направленія нашего *вниманія*, какъ дѣятельной энергіи. Если мы не хотимъ чего-либо видѣть и знать, то и не будемъ это видѣть и знать, а слѣдовательно не придемъ и къ тѣмъ заключеніямъ, къ которымъ приходятъ нѣкоторые другіе люди. Этимъ объясняется и постоянное, принципіальное разногласіе въ вопросахъ знанія людей съ различными „тенденціями" или направленіями воли, и мы считаемъ верхомъ умственнаго самообладанія, если человѣкъ, опять въ силу извѣстнаго сознательнаго акта своей воли, подавляетъ въ себѣ всякія „тенденціи", т. е. постороннія знанію влеченія, и сохраняетъ лишь одно сознательное влеченіе къ истинѣ, т. е. подчиняетъ свою умственную дѣятельность „хотѣнію истины" и открываетъ глаза и уши для воспріятія *всѣхъ* фактовъ, какъ *основаній* сужденій, а мысль свою на-

правляетъ къ выводу *всѣхъ слѣдствій* изъ этихъ фактовъ. Однако очевидно, что и въ этомъ случаѣ необходимость тѣхъ или другихъ выводовъ, т. е. слѣдствій изъ ихъ основаній, будетъ зависѣть отъ акта его воли, отъ его хотѣнія дойти до конца въ процессѣ мышленія и познанія и избавить эту дѣятельность отъ той болѣе субъективной и ограниченной необходимости, которая налагается на процессъ мысли и его результаты иными, болѣе узкими хотѣніями. Такъ какъ рѣдкіе люди принимаютъ такое рѣшеніе, то отсюда и вытекаетъ та, всѣмъ извѣстная, трудность соглашенія и взаимнаго убѣжденія, которая постоянно проявляется въ спорахъ объ истинѣ между людьми различныхъ направленій, т. е. различныхъ «направленій воли» или «хотѣній».

Такимъ образомъ, принятіе извѣстнаго основанія въ логическомъ выводѣ есть актъ воли. «Необходимость», которая лежитъ въ выводѣ извѣстнаго слѣдствія изъ основанія есть всецѣло лишь та необходимость, которая лежитъ въ актѣ хотѣнія, въ отношеніи *дѣйствія* (въ данномъ случаѣ «дѣйствія мысли» или вывода) *къ акту хотѣнія*. Воля-же въ данномъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ, руководится извѣстными «мотивами», такъ что для объясненія связи основаній и слѣдствій въ области психическихъ явленій, нужно понять *отношеніе воли къ ея мотивамъ*. Это отношеніе—*коренное*. Признаніе извѣстныхъ основаній въ логической дѣятельности ума есть только частный случай явленія мотивації, подобно тому, какъ сама логическая дѣятельность есть частный случай психической дѣятельности, т. е. дѣятельности волевой, управляемой волею.

И такъ, мы подошли къ самой основной проблемѣ — къ истолкованію смысла *идеи мотивации воли*, *отношенія воли къ ея двигателямъ*. Вопросъ можно поставить такъ: «если необходимость въ связи причинъ и дѣйствій съ одной стороны, въ связи основаній и слѣдствій съ другой стороны обусловливается участіемъ воли или внутренняго дѣятеля, необходимо проявляющагося въ извѣстномъ дѣйствіи, то можно-ли доказать въ свою очередь, что и внутренняя дѣятельность или субъективное проявленіе воли отъ чего-либо *необходимо* зависитъ?"

Возьмемъ, прежде всего, логическую дѣятельность ума, т. е. проявленіе воли въ сферѣ мышленія. Процессъ мышленія оперируетъ надъ извѣстными объектами и прилагаетъ къ истолкованію ихъ идею причинности, какъ идею необходимой связи извѣстныхъ внутреннихъ дѣятельныхъ силъ съ ихъ внѣшними проявленіями. Но возможно-ли допустить, что и самое приложеніе закона причинности къ истолкованію явленій опыта, подчинено закону причинности? Другими словами, если актъ воли въ признаніи извѣстныхъ основаній и ихъ слѣдствій сводится въ большинствѣ случаевъ къ подчиненію явленій внѣшняго опыта закону причинности, какъ закону познаванія явленій опыта, то слѣдуетъ-ли признать, что и этотъ психическій актъ «подчиненія явленій опыта закону причинности» также подчиненъ внѣ его стоящей причинѣ? По тому толкованію идеи причинности, которое мы дали ей путемъ анализа ея происхожденія, такое утвержденіе значило-бы, что данный актъ воли, или

нашего внутренняго дѣятеля, подчиненъ другому акту воли, какъ внутренняго-же, или какъ внѣшняго дѣятеля, ибо другой причины, или другого источника причиненія дѣйствій, кромѣ воли, мы пока не знаемъ,— другой необходимости, кромѣ той, которая налагается самой волей, мы пока не открыли. Но если необходимость даннаго акта воли мы выведемъ изъ другого акта нашей-же *воли*, какъ болѣе основного или общаго, то этимъ мы не разрѣшимъ вопроса, ибо опять возникнетъ недоумѣніе—откуда-же взялась необходимость этого болѣе общаго акта воли? Если-же упомянутую необходимость нашего хотѣнія мы припишемъ внѣшнему дѣятелю, т. е. акту другой, внѣ насъ стоящей воли, то возникнетъ весьма сложный психологическій вопросъ о способѣ вліянія одной воли на другую. Точно такой-же вопросъ „о способѣ и степени необходимости воздѣйствія“ возникнетъ и тогда, если мы предположимъ, что отдѣльные акты нашей воли, какъ внутренняго дѣятеля, зависятъ отъ воздѣйствія другихъ какихъ-либо внѣшнихъ силъ или дѣятелей природы. Несомнѣнно, что въ мірѣ дѣйствительномъ, опытномъ, воздѣйствіе одной воли или иной дѣятельной силы на нашу волю происходитъ лишь чрезъ посредство воспріятій. Слѣдовательно, для допущенія принудительныхъ и необходимыхъ воздѣйствій какихъ-либо силъ на нашу волю, должно допустить непосредственную, необходимую зависимость актовъ воли отъ нашихъ воспріятій или страдательныхъ состояній.

Это и приводитъ насъ къ окончательной постановкѣ вопроса въ такой формѣ: „возможно-ли допустить,

чтобы наша воля, т. е. субъективныя ея проявленія — стремленія, желанія, хотѣнія — находились въ необходимой и роковой зависимости отъ воспріятій, т. е. ощущеній, чувствованій, идей и чувствъ субъекта, какъ истинныхъ мотивовъ или двигателей воли?“

5. Анализъ процесса воспріятія и значеніе самосознанія въ рѣшеніи вопроса объ источникахъ актовъ воли.

Приступая къ изслѣдованію идеи мотиваціи въ ея основномъ и самомъ популярномъ значеніи, т. е. къ изслѣдованію отношеній воспріятій, какъ мотивовъ, къ актамъ воли, стремленіямъ и хотѣніямъ, мы для большей основательности анализа должны уяснить себѣ прежде всего природу явленій, называемыхъ „воспріятіями“ субъекта.

Это необходимо сдѣлать уже потому, что обыкновенное представленіе людей объ этихъ явленіяхъ и соотвѣтствующихъ имъ процессахъ весьма далеко отъ истины. Большинство лицъ, хотя-бы и знакомыхъ съ анатомическимъ устройствомъ органовъ чувствъ и мозга, и съ ихъ физіологическими отправленіями, представляетъ себѣ процессы воспріятія и мышленія нѣсколько наивно и грубо. Предметы производятъ „впечатлѣнія“ на органы чувствъ,—происходятъ извѣстные „психонервные“ процессы въ органахъ и центрахъ, и мы ощущаемъ эти впечатлѣнія и—чрезъ нихъ—предметы. Происходитъ какъ-бы нѣчто, похожее на отпечатываніе печатей на тепломъ сургучѣ или воскѣ. Такимъ образомъ, пассивно набираются ощущенія и растетъ изъ нихъ постепенно сознаніе, т. е. наше „*я*“, а затѣмъ,

по мѣрѣ накопленія ощущеній и ихъ сочетанія по законамъ ассоціаціи въ представленія и понятія, чувствованія и чувства, возникаютъ изъ нихъ различныя стремленія и желанія, которыя борятся между собою, другъ друга вытѣсняютъ, видоизмѣняютъ или подкрѣпляютъ, складываясь въ концѣ концовъ въ хотѣнія, проявляющіяся извнѣ движеніями и дѣйствіями.

Картина выходитъ очень простая, ясная и отчетливая, но весьма далекая отъ истины. Наше „*я*“ или наша „личность“ представляется своего рода пустымъ мѣшкомъ, который постепенно наполняется впечатлѣніями и въ которомъ эти впечатлѣнія магическимъ образомъ превращаются въ хотѣнія, какъ у фокусника платки, положенные въ ящикъ, вылетаютъ изъ этого ящика голубями. Но никто не спрашиваетъ себя при этомъ, какимъ образомъ пассивныя состоянія воспріятія могутъ превратиться въ активныя состоянія воли? Видѣть что-либо еще не значитъ желать даннаго предмета. Что-же именно и откуда прибавляется тотъ придатокъ, который необходимъ для превращенія ощущенія или представленія хлѣба въ желаніе взять и съѣсть его, или спрятать, положить въ карманъ, или наконецъ, отдать голодному бѣдняку? Да и что такое самое ощущеніе и представленіе о предметѣ?

При болѣе глубокомъ, критическомъ анализѣ процесса воспріятія получается совсѣмъ иное, болѣе сложное и далеко не такое грубое представленіе о немъ, какъ только-что описанное нами. Изслѣдованія физиковъ и химиковъ привели къ тому результату, что воздѣйствіе на насъ среды совершается

при посредствѣ цѣлаго ряда преемственныхъ движеній, колебаній или вибрацій частицъ матеріи, окружающей нашъ организмъ. Сначала происходятъ колебанія или движенія частицъ и молекулъ самихъ предметовъ, т. е. составляющихъ ихъ веществъ, затѣмъ происходятъ различнаго рода колебанія и движенія частицъ промежуточной среды — воздуха или эфира, или жидкостей, отдѣляющихъ наши органы отъ воспринимаемыхъ предметовъ. Далѣе, какъ удостовѣряютъ анатомы и физіологи, происходятъ какія-то движенія органическихъ перепонокъ, массъ, и жидкостей, отдѣляющихъ наши нервы и ихъ периферическія окончанія отъ внѣшняго міра, — еще далѣе начинаются движенія различныхъ нервныхъ клѣтокъ въ периферическихъ окончаніяхъ нервовъ, потомъ въ самихъ нервахъ, или нервныхъ волокнахъ, составленныхъ изъ безчисленнаго количества невидимыхъ для глаза особыхъ клѣточекъ, — наконецъ, передаваясь все дальше и дальше, эти движенія приводятъ въ какое-то движеніе или возбужденіе центральныя клѣтки корковаго вещества мозга, при чемъ и тутъ еще можно отличать рядъ послѣдовательныхъ движеній или вибрацій, передаваемыхъ особыми нервными волокнами, составляющими бѣлое вещество мозга, — отъ второстепенныхъ мозговыхъ центровъ къ главнымъ, отъ однѣхъ клѣтокъ и массъ сѣраго вещества мозга къ другимъ. Въ концѣ этого длиннаго ряда движеній или вибрацій милліоновъ матеріальныхъ частицъ или молекулъ стоитъ *ощущеніе*. Какого-бы типа ни были всѣ эти различныя движенія матеріальныхъ частицъ, сначала неорганическихъ, потомъ органичес-

кихъ,—несомнѣнно одно, что вся сумма физическихъ и физіологическихъ процессовъ, обусловливающихся ощущеніями, состоитъ изъ различныхъ видовъ движенія. Слѣдовательно, ощущеніе есть сознаніе извѣстнаго матеріальнаго движенія, но какого? На основаніи опытовъ физіологовъ надъ степенями чувствительности различныхъ элементовъ нервной системы, не подлежитъ сомнѣнію, что ощущеніе есть ближайшимъ образомъ сознаніе вибрацій или движеній самыхъ внутреннихъ и отдаленныхъ отъ среды частицъ нѣкоторой части мозга, а именно преимущественно клѣтокъ корковаго вещества большого мозга, всего глубже и дальше лежащаго отъ периферическихъ аппаратовъ органовъ чувствъ.

Почему-же ощущеніе этихъ совершенно мѣстныхъ движеній является въ то-же время знаніемъ извѣстныхъ свойствъ предметовъ, давшихъ толчекъ всему упомянутому ряду движеній? Это тайна, еще не разгаданная наукой. Но несомнѣнно одно: что въ процессѣ ощущенія ничего матеріальнаго не входитъ въ насъ извнѣ, а только возбуждаются движенія частей и частицъ нашего собственнаго организма и затѣмъ мозга, и что энергія, пробуждаемая къ дѣйствію въ клѣткахъ мозга, ощущаетъ какъ будто свои собственныя состоянія, перешедшія изъ скрытыхъ въ явныя. Ощущеніе, другими словами, есть только реакція на внѣшніе толчки—внутренней энергіи отдѣльной клѣтки мозга, а иногда многихъ клѣтокъ или даже значительной части мозга, ибо мы знаемъ, что при нормальныхъ условіяхъ его дѣйствія элементы энергіи мозга во всѣхъ его час-

тяхъ такъ связаны, что одинъ толчекъ (одно впечатлѣніе) пробуждаетъ цѣлый рядъ ощущеній, представленій, чувствъ и проч. Переведенное на психологическій языкъ это утвержденіе означаетъ, что ощущеніе есть состояніе ощущающей или воспринимающей впечатлѣнія энергіи мозга, ибо если мы ощущаемъ при каждомъ движеніи мозговой клѣточки не совершающійся въ ней „мѣстный“ органическій процессъ (такого самочувствія нашъ мозгъ вовсе не имѣетъ), а явленіе, совершенно постороннее мозгу, внѣ его происходящее, то ясно, что мы ощущаемъ состояніе извѣстной *энергіи*, а не состояніе клѣтки или матеріальной частицы, въ которой эта энергія сосредоточена. Если мы примемъ далѣе во вниманіе, что это ощущеніе имѣетъ специфическія свойства цвѣтовъ, звуковъ, ароматовъ и т. д., которыя не имѣютъ ничего общаго, какъ это признаютъ и Физики и Физіологи, съ свойствами физическихъ, химическихъ и физіологическихъ движеній, происходящихъ въ частицахъ неорганическаго и органическаго вещества, то мы должны будемъ допустить, что эта ощущающая энергія клѣтокъ мозга имѣетъ свои специфическія свойства, глубоко отличающія ее отъ всѣхъ другихъ, извѣстныхъ намъ изъ внѣшняго опыта энергій природы, насколько мы знаемъ ихъ свойства извнѣ. Самая способность этой энергіи *ощущать* свои состоянія уже существенно отличаетъ ее отъ этихъ другихъ энергій природы.

Теперь вдумаемся хорошенько въ тѣ выводы, къ какимъ мы до сихъ поръ пришли и постараемся отрѣшиться отъ обычной точки зрѣнія „наивнаго реализма“,

предполагающаго, что впечатлѣнія отъ предметовъ входятъ въ мозгъ, какъ люди входятъ въ домъ или въ театръ, и что наше познаніе и воспріятіе есть наполненіе по каплямъ какого-то пустого сосуда или въ буквальномъ смыслѣ исписываніе знаками какой-то чистой, неисписанной доски, какъ утверждали въ былое время „сенсуалисты“. Не пріобрѣтемъ-ли мы совершенно иной взглядъ на сущность процесса воспріятія и на связь психическихъ явленій между собою, чѣмъ какой былъ описанъ нами выше? Наша психическая энергія, какова-бы ни была ея сущность, способна испытывать только свои собственныя состоянія, которыя косвенно возбуждаются движеніями среды и элементовъ тканей организма. Нашъ организмъ „не имѣетъ дверей и оконъ, чрезъ которыя могли-бы входить въ насъ впечатлѣнія среды“. Онъ имѣетъ способность только отвѣчать на движенія среды разнообразными движеніями или вибраціями своихъ тканей, которыя имъ ощущаются или сознаются. Но тѣмъ не менѣе, при ощущеніи своихъ собственныхъ состояній или измѣненій, наша психическая энергія воспринимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ формѣ своеобразныхъ, спеціально ей свойственныхъ *символовъ* (ощущенія цвѣтовъ, звуковъ, вкусовъ, запаховъ и проч.), свойства и отношенія предметовъ среды или міра, внѣ организма находящихся. Не понятно-ли, послѣ этого, ученіе идеалистовъ, утверждающихъ, что „весь міръ есть *мое* представленіе“— есть сумма сознаваемыхъ мною своеобразныхъ состояній *моей* психической энергіи. Не становятся-ли понятными послѣ этого и многія другія уче-

нія философовъ, представляющіяся на первый взглядъ странными или даже безсмысленными, напр. ученіе Лейбница о предустановленной гармоніи движеній психическихъ и физическихъ. Рядъ движеній физическихъ возбуждаетъ во мнѣ рядъ совершенно отличныхъ отъ нихъ по природѣ внутреннихъ психическихъ движеній, или перемѣнъ, или состояній, называемыхъ ощущеніями. Извѣстное символическое соотвѣтствіе тѣхъ и другихъ, обнаруживающееся въ возможности нашего взаимодѣйствія съ міромъ, не зависитъ-ли отъ предопредѣленной отъ вѣка гармоніи тѣхъ и другихъ? Двѣ силы или два дѣятеля совершенно разнородныхъ—физическая среда и психическая энергія,—какъ двое часовъ (напр. стѣнные и карманные) согласны въ своихъ движеніяхъ и состояніяхъ лишь благодаря предустроенному равенству хода. Или это согласіе слѣдуетъ приписать, какъ это дѣлали „окказіоналисты“ (Гейлинксъ и Малебраншъ въ XVII в.) постоянному вмѣшательству третьей силы, Бога, согласующей другъ съ другомъ движенія обоихъ дѣятелей? Какъ ни странны сами по себѣ эти теоріи,—происхожденіе ихъ, при изложенномъ болѣе глубокомъ взглядѣ на сущность процесса ощущенія, становится понятнымъ. Понятнымъ становится, съ этой точки зрѣнія, и ученіе Платона о прирожденныхъ идеяхъ и о тождествѣ процесса познанія съ процессомъ припоминанія этихъ прирожденныхъ идей. Откуда въ самомъ дѣлѣ берется все идеальное „психическое“ содержаніе нашего сознанія? Если въ процессѣ ощущенія никакіе элементы и явленія среды въ насъ не входятъ, а только пробуж-

дается психическая энергія, начинающая испытывать при этомъ свои-же собственныя состоянія, то значитъ въ ея природѣ *потенціально дано все содержаніе ея состояній, ея ощущеній, ея идей.* Нуженъ только толчекъ извнѣ, чтобы постепенно это содержаніе изъ потенціальнаго стало реальнымъ,—чтобы въ движеніяхъ психической энергіи, ставшихъ *кинетическими*, постепенно оживилось или припомнилось то конкретное ихъ содержаніе, которое прежде когда-то было имъ свойственно,—когда эти движенія и эта энергія были свободны (несвязаны организмомъ). Вѣдь и въ явленіяхъ психической наслѣдственности мы видимъ такое пробужденіе или переходъ изъ потенціальнаго состоянія въ дѣятельное извѣстнаго психическаго содержанія идей, чувствъ, эмоцій, влеченій, которыя на время остаются подъ спудомъ и нуждаются въ толчкѣ или рядѣ толчковъ для своего пробужденія, при чемъ извнѣ наслѣдственныя способности, таланты, темпераменты и т. д. конечно не входятъ въ насъ. Да и помимо наслѣдственности, по поводу извѣстныхъ ощущеній и ихъ комбинацій—представленій о предметахъ — я еще испытываю чувства страха, гнѣва, любви, — откуда они берутся? Если еще относительно ощущеній можетъ-быть у кого-либо наивное сомнѣніе, не входятъ-ли они извнѣ въ наше сознаніе, какъ пищевые продукты въ желудокъ, то относительно чувствъ никому и въ голову не придетъ утверждать, что страхъ или гнѣвъ по нервамъ входятъ въ мозгъ, какъ человѣкъ по ступенькамъ входитъ въ третій этажъ дома. Хотя чувства, чтобы возникнуть, и требуютъ наличности извѣстныхъ отношеній

и распредѣленій энергій въ нашемъ организмѣ, однако, сами по себѣ, чувства, очевидно, суть проявленія нашей внутренней психической энергіи, переходящей изъ потенціальнаго состоянія въ дѣятельное. Когда человѣкъ рождается на свѣтъ, то мы убѣждены, что онъ, помимо всякихъ внѣшнихъ обстоятельствъ и впечатлѣній, уже способенъ испытывать чувства любви, надежды, страха, гнѣва, и др. под. Но до извѣстной поры эти чувства какъ-бы спятъ, а потомъ пробуждаются извѣстными органическими процессами въ тѣлѣ, которые въ свою очередь вызваны толчками извнѣ, изъ среды исходящими. А если чувства могутъ въ насъ спать и пробуждаться, то отчего не могли-бы идеи спать и пробуждаться? Да и что такое обыкновенныя явленія памяти и припоминанія, какъ не явленія сна и пробужденія ощущеній, представленій, понятій, идей?

Значитъ, все наше психическое содержаніе можетъ переходить изъ потенціальнаго въ дѣятельное и обратно: изъ дѣятельнаго въ потенціальное (напр. въ явленіяхъ памяти и наслѣдственности). Отчего-же, въ виду разсмотрѣнныхъ нами свойствъ и теченія процессовъ ощущенія и воспріятія, не допустить совершенно естественную и невольно напрашивающуюся гипотезу, что вся наша психическая жизнь есть рядъ или сумма пробужденій нашей психической энергіи, испытывающей свои-же собственныя потенціально-данныя состоянія, — пробужденій, вызванныхъ толчками извнѣ, называемыхъ, „впечатлѣніями“ предметовъ? Больше намъ не откуда взять своего психическаго содержанія, какъ

изъ самихъ себя, ибо внѣшній міръ не входитъ въ насъ, а только „встряхиваетъ" насъ своими толчками,— слѣдовательно, оно рождается или изъ ничего, или изъ потенціальныхъ состояній нашей психической энергіи, а это значитъ, что все наше психическое содержаніе — наши ощущенія, идеи, чувства намъ прирождены, т. е. составляютъ скрытое содержаніе нашей психической энергіи. И этотъ выводъ совпадаетъ съ нашимъ естественнымъ представленіемъ *о сознаніи*, какъ энергіи, которою уже обладаетъ рождающійся на свѣтъ ребенокъ, которая не вновь создается его ощущеніями и опытомъ, а только пробуждается и развивается во взаимодѣйствіи съ міромъ.

Таково единственное представленіе о процессахъ ощущенія, воспріятія, опыта, которое можно пріобрѣсти при критическомъ анализѣ этихъ процессовъ въ связи съ данными естественныхъ наукъ, въ авторитетѣ которыхъ мы обыкновенно всего менѣе сомнѣваемся. Теперь посмотримъ, какое значеніе имѣетъ этотъ взглядъ на природу воспріятія для рѣшенія занимающаго насъ вопроса объ отношеніи воспріятій, какъ мотивовъ, къ актамъ воли — стремленіямъ, желаніямъ, хотѣніямъ.

Изъ всего сказаннаго нами вытекаетъ, что наши воспріятія—уже плодъ дѣятельности или работы нашей психической энергіи, что она участвуетъ въ ихъ происхожденіи и развитіи, хотя-бы только пассивно, возбуждаемая внѣшними толчками. Изъ тѣхъ-же соображеній объ истинной природѣ процесса воспріятія слѣдуетъ, что всѣ наши ощущенія внѣшнихъ предметовъ

и явленій внѣшняго міра суть непосредственно ощущенія внутреннихъ процессовъ въ нашемъ организмѣ и ближайшимъ образомъ состояній нашей психической энергіи, а это значитъ, что все наше сознаніе міра является особою формою *самосознанія:* внѣшній опытъ— только особая форма *внутренняго* опыта. Внѣшній опытъ есть испытываніе нами тѣхъ психическихъ состояній, которыя не сами собою возникли въ сознаніи, а вызваны толчками извнѣ. Эти въ высшей степени важные выводы проливаютъ новый свѣтъ на отношенія сознанія къ самосознанію.

Ходячее популярное воззрѣніе на психическую жизнь склонно разсматривать самосознаніе какъ частную форму и особое направленіе сознанія міра; критическое-же истолкованіе психическаго содержанія приводитъ къ обратному заключенію, что сознаніе есть частная форма и особое направленіе самосознанія. Мы можемъ испытывать или сознавать только свои собственныя психическія состоянія — пассивныя, вызванныя толчками извнѣ, и активныя, имѣющія источникомъ извѣстную самодѣятельность нашей психической энергіи. Но первыя, въ силу непонятнаго и едва-ли даже доступнаго пониманію человѣка свойства нашей психической энергіи, мы выносимъ изъ себя въ міръ, какъ символы или знаки свойствъ міра, дающихъ первый толчекъ къ пробужденію этихъ пассивныхъ состояній нашей психической энергіи, называемыхъ „воспріятіями“. Мы оставляемъ при этомъ безъ разбора неразрѣшимый при нынѣшнемъ состояніи науки вопросъ: та-же ли самая психическая энергія испыты-

ваетъ въ насъ всѣ эти пассивныя состоянія и потомъ дѣйствуетъ или реагируетъ на нихъ, какъ *воля*, или въ насъ существуютъ два рода психическихъ энергій — страдательная и дѣятельная. Но для насъ чрезвычайно важенъ выводъ о конечномъ единствѣ сознанія и самосознанія, такъ какъ роковое для идеи свободы воли ученіе Шопенгауэра объ отношеніи мотивовъ воли къ ея актамъ, т. е. воспріятій къ хотѣніямъ, какъ „причинъ къ дѣйствіямъ“, всецѣло основано на рѣзкомъ раздѣленіи самосознанія отъ сознанія и на признаніи невозможности исходить, въ рѣшеніи вопроса о сущности процесса мотиваціи, изъ фактовъ „самосознанія“. Ходъ разсужденій Шопенгауэра въ общихъ чертахъ слѣдующій.

Самосознаніе наше ограничено только сознаніемъ актовъ воли и ихъ отношеній къ дѣйствіямъ. „Въ его границахъ лежитъ только волевой актъ“. „Самосознаніе говоритъ только: «я могу дѣлать, что хочу». Далѣе этого не идетъ показаніе самосознанія, какъ его ни поворачивать и въ какой формѣ ни предлагать вопросъ“. „Самосознаніе заключаетъ въ себѣ только хотѣніе, но не побуждающія къ хотѣнію основанія, которыя коренятся въ сознаніи другихъ вещей, т. е. въ познавательной способности (какъ будто самосознаніе не познавательная способность?!).“ „Самосознаніе слишкомъ простая и ограниченная вещь, чтобы говорить съ нею о подобныхъ предметахъ, т. е. о причинности, необходимости и мотиваціи. Эти понятія, напротивъ того, почерпнуты нами изъ чистаго ума, направленнаго во внѣшній міръ, и завести о нихъ рѣчь можно

развѣ только предъ форумомъ рефлектирующаго разума... Естественное-же, простое, даже простоватое самосознаніе, напротивъ того, даже не можетъ понять вопроса, не только на него отвѣтить“ (О свободѣ воли, II).

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій Шопенгауэръ выводитъ необходимость обсужденія вопроса объ отношеніи воли къ ея основаніямъ или мотивамъ, не при помощи самосознанія, а на почвѣ сознанія другихъ вещей, т. е. извнѣ, и затѣмъ, безъ дальнѣйшихъ затрудненій, подчиняетъ отношеніе мотивовъ къ актамъ воли идеѣ причинности, какъ формѣ сознанія другихъ вещей, т. е. явленій внѣшняго міра, и рѣшаетъ вопросъ о свободѣ хотѣній въ отрицательномъ смыслѣ.

Этотъ пріемъ особенно странно встрѣтить въ системѣ критическаго философа, какимъ постоянно величаетъ себя Шопенгауэръ, особенно если принять во вниманіе, что тотъ-же Шопенгауэръ признаетъ міръ „своимъ представленіемъ“, а объектъ порожденіемъ субъекта,—волю-же—субстанціею, стоящею по своей природѣ внѣ міра явленій и неподчиненною формамъ бытія явленій, данныхъ въ пространствѣ и времени,—слѣдовательно и закону причинности въ обыкновенномъ эмпирическомъ значеніи.

Всѣ эти противорѣчія имѣютъ конечно главнымъ источникомъ рѣзкое разобщеніе и противоположеніе сознанія міра или познанія, съ одной стороны, и самосознанія, съ другой, а это разобщеніе ведетъ свое происхожденіе еще отъ Кантовскаго рѣзкаго раздѣленія сферъ теоретическаго и практическаго разума, о которомъ мы въ свое время упоминали.

Но если признать, что сознаніе міра есть только форма самосознанія, что основныя идеи отношеній между явленіями міра, какъ напр. идея причинности, имѣютъ своимъ источникомъ самосознаніе, т. е. сознаніе отношеній извѣстныхъ психическихъ явленій (актовъ воли и ея дѣйствій) между собою, то всѣ приведенныя положенія Шопенгауэра окажутся произвольными: самосознаніе представится единственнымъ возможнымъ источникомъ *познанія* и тогда придется, какъ мы уже старались показать на дѣлѣ, выводить идею причинности и др. подобныя идеи „отношеній между внѣшними явленіями“ изъ сознанія коренныхъ отношеній между психическими актами. Другими словами, если *самосознаніе* не откроетъ намъ характера отношеній актовъ воли, хотѣній, къ ихъ мотивамъ, то ничто уже не откроетъ его, ибо сознаніе міра есть то-же особаго рода самосознаніе. Шопенгауэръ признаетъ, что „простое“ самосознаніе настоятельно твердитъ человѣку, что онъ можетъ хотѣть что̀ угодно, т. е. *свободно* хотѣть. Но Шопенгауэръ считаетъ это утвержденіе самосознанія „самообманомъ“ или „иллюзіей“, ибо утвержденіе, что мое хотѣніе зависитъ отъ меня самого, тождественно утверждению „я могу хотѣть, что мнѣ хочется, т. е. я хочу того, что я хочу“. На вопросъ „почему я хочу чего-либо“, самосознаніе отвѣчаетъ „потому, что я хочу этого хотѣть“, а на вопросъ „почему я хочу этого хотѣть“, оно отвѣчало-бы опять „потому что хочу хотѣть этого хотѣть“ и т. д. въ безконечность. Если-же обратимся къ суду сознанія другихъ вещей,

то придется признать, что „хотя я и могу дѣлать что хочу, но въ каждый данный моментъ жизни я могу хотѣть только одного чего-нибудь опредѣленнаго и отнюдь ничего другого, кромѣ этого одного". Отъ чего-же роковымъ образомъ зависитъ мое хотѣніе? По мнѣнію Шопенгауэра, отъ воспріятій, т. е. представленій, которыя въ свою очередь однако зависятъ отъ моего прирожденнаго характера, т. е. прирожденнаго направленія моей воли, которое „неизмѣнно".

Такъ разсуждаетъ Шопенгауэръ. Если-бы онъ утверждалъ еще, что мои хотѣнія зависятъ только отъ моихъ представленій, т. е. отъ данныхъ внѣшняго опыта, то онъ по крайней мѣрѣ остался-бы въ нѣкоторомъ согласіи съ самимъ собою и съ утвержденіемъ, что сознаніе другихъ вещей раскрываетъ намъ истинныя причины хотѣній. Но уже его дальнѣйшее утвержденіе о главномъ и господствующемъ значеніи прирожденнаго характера, т. е. прирожденнаго направленія воли, ясно показываетъ, какъ плохо и недостаточно рѣшается вопросъ объ источникахъ хотѣній, предъ форумомъ „сознанія другихъ вещей". Ибо откуда познается нами прирожденное направленіе воли? Вѣдь самъ-же Шопенгауэръ признаетъ, что акты воли открываются чрезъ самосознаніе. Напрасно онъ прибѣгаетъ послѣ къ софистическому разсужденію, что направленіе нашей воли познается нами только эмпирически—изъ опыта самихъ дѣяній нашихъ. Мы вѣдь не забыли еще его утвержденія, что волевой актъ лежитъ въ границахъ самосознанія, т. е. познается изнутри, а не извнѣ. Выходитъ, что Шопенгауэръ, въ разсужденіи

объ источникахъ воли, на основаніи „сознанія другихъ вещей“, пришелъ все-таки къ констатированію той истины, что направленія воли зависятъ не отъ представленій другихъ вещей, какъ мотивовъ, а отъ основныхъ и независимыхъ отъ этихъ представленій направленій самой воли. Но онъ позволилъ себѣ только, безъ всякаго права и совершенно произвольно — въ полномъ противорѣчіи съ самимъ собою — распространить на волю законъ необходимой причинности (законъ сознанія другихъ вещей, тогда какъ воля и для него есть предметъ самосознанія), при чемъ необходимая зависимость воли является все-таки и у него ея зависимостью отъ самой себя, отъ своихъ прирожденныхъ свойствъ или направленій, а не отъ представленій и воспріятій. Итакъ, Шопенгауэръ все-таки смутно сознавалъ ту истину, что необходимость порождается волей. Но при этомъ, какъ мы уже замѣтили въ началѣ статьи, онъ перевернулъ всѣ понятія человѣческаго ума, приписавъ „разумный актъ свободы“ неразумному моменту существованія слѣпой міровой воли, разумный-же моментъ существованія воли въ „разумныхъ“ существахъ призналъ „цѣпью роковыхъ необходимостей“. Вотъ куда завело его неправильное представленіе о границахъ сознанія и самосознанія и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Посмотримъ, нельзя-ли пріобрѣсти болѣе толковые результаты по отношенію къ вопросу объ источникахъ актовъ воли и о степени зависимости ихъ отъ воспріятій при правильномъ пониманіи отношеній сознанія и самосознанія.

6. Степень зависимости актовъ воли отъ воспріятій.

Мы находимъ въ своемъ самосознаніи нѣкоторую спеціальную область—сознаніе міра. Это сознаніе міра состоитъ изъ цѣлаго ряда разнообразныхъ *пассивныхъ* состояній самочувствія нашей психической энергіи, называемыхъ воспріятіями. Можно-ли допустить, что всѣ эти воспріятія, т. е. ощущенія, представленія, понятія, чувствованія, чувства роковымъ образомъ рѣшаютъ судьбу нашихъ хотѣній?

Шопенгауэръ, конечно, правъ, когда утверждаетъ, что „воспринятые во внѣшнемъ мірѣ предметы даютъ матеріалъ и поводъ всѣмъ движеніямъ и актамъ воли.., ибо никто не можетъ отрицать, что наше хотѣніе постоянно имѣетъ предметомъ внѣшніе объекты, около которыхъ оно вращается и которые возбуждаютъ его, какъ мотивы“ (Свобода воли, I). Безъ сомнѣнія, область дѣйствій нашей воли и „объекты“ нашихъ хотѣній опредѣляются средою, насъ окружающею, — предметами и явленіями міра, среди которыхъ мы живемъ, т. е. суммою нашихъ воспріятій или опытовъ. Каждый человѣкъ, живя въ извѣстной странѣ и климатѣ, среди народа извѣстнаго склада и развитія,—принадлежа къ извѣстной семьѣ и классу общества, имѣя извѣстное образованіе и воспитаніе, пріобрѣтенное такъ-же путемъ воспріятій, поводы къ которымъ исходятъ отъ среды и окружающихъ его лицъ,—наконецъ; имѣя извѣстную наслѣдственную физическую организацію, заставляющую его такъ, а не иначе воспринимать объекты міра, можетъ хотѣть только извѣстныхъ ему предметовъ и

явленій міра и ихъ отношеній, а не другихъ, которые ему неизвѣстны. Если его влекутъ къ себѣ вещи, люди, явленія, которыхъ нѣтъ въ окружающей его обстановкѣ, то опять лишь настолько, насколько онъ воспринялъ ихъ образы или представленія о нихъ при помощи своихъ органовъ чувствъ,—путемъ чтенія книгъ, слушанія разсказовъ другихъ людей и проч. Вообще, *объекты* воли каждаго живого существа ограничены тою суммою воспріятій и опытовъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, которые пережиты имъ въ дѣйствительности, или при помощи воображенія. Но всѣ эти факты еще не рѣшаютъ вопроса о свободѣ или не свободѣ воли отъ воспріятій предметовъ міра, какъ „мотивовъ“ хотѣнія. Во первыхъ, самыя воспріятія, какъ мы видѣли, суть психическія, внутреннія состоянія — внутренніе субъективные символы міра, опредѣляемые „природою субъекта“. Во вторыхъ, природа желаній и хотѣній, вообще актовъ воли, опредѣляется нестолько ихъ предметами или объектами, сколько особымъ *дѣятельнымъ отношеніемъ къ нимъ* нашего субъекта или воли. Вопросъ въ томъ, *чего* мы хотимъ по отношенію къ данному предмету? Мы можемъ хотѣть его разсмотрѣть, или хотѣть его съѣсть, или переставить на другое мѣсто, сохранить или разрушить, дать другому или оставить себѣ. Одинъ и тотъ-же предметъ можетъ служить объектомъ самыхъ разнообразныхъ желаній и хотѣній, и разнообразные предметы могутъ вызывать одинаковыя хотѣнія. Это — азбучная истина. Если-бы весь міръ состоялъ только изъ одного предмета или явленія, но существовали-бы по прежнему

разнородныя хотѣнія, то могъ-бы возникнуть вопросъ о свободѣ или необходимости этихъ хотѣній, т. е. о свободѣ воли. Слѣдовательно, не количествомъ предметовъ опыта опредѣляется свобода воли, если она существуетъ. Можно легко себѣ представить, что при небольшомъ горизонтѣ опыта и знакомыхъ предметовъ, человѣкъ въ выборѣ ихъ, какъ объектовъ тѣхъ или другихъ хотѣній, т. е. тѣхъ или другихъ отношеній къ нимъ, *свободнье*, чѣмъ другой человѣкъ съ необозримымъ горизонтомъ опыта, но съ весьма однообразными и опредѣленными желаніями. Отсюда слѣдуетъ, что никакого рокового отношенія между предметами опыта или воспріятіями, съ одной стороны, и актами воли, съ другой, не существуетъ. Эти предметы опыта, слагающіеся изъ ощущеній, представленій, понятій, не могутъ быть вообще признаны, сами по себѣ, *мотивами* или *двигателями воли*. Мы можемъ видѣть столъ, уставленный яствами—и не захотѣть ничего съѣсть изъ того, что видимъ. Мы можемъ слышать исполненіе разнообразныхъ музыкальныхъ пьесъ и не хотѣть продолженія этихъ ощущеній и болѣе полнаго воспріятія гармоніи. Мы можемъ понимать извѣстную истину и дѣйствовать вопреки ей. Наконецъ, видя одни и тѣ-же предметы, мы можемъ хотѣть по отношенію къ нимъ противоположныхъ вещей: пьяница, видя бутылку любимаго напитка, почувствуетъ желаніе напиться, а трезвый человѣкъ можетъ захотѣть уничтожить этотъ вредоносный сосудъ со всѣмъ его содержимымъ. Предметы опыта могутъ только давать толчекъ къ пробужденію тѣхъ или другихъ желаній и хотѣній, корень которыхъ не въ

нихъ, а въ чемъ-то другомъ. Напр. иногда можетъ случиться, что видъ пищи, какъ мы говоримъ „возбуждаетъ аппетитъ", что слушаніе музыки „вызываетъ желаніе" насладиться гармоніей до конца. Но самыя эти выраженія „возбуждаетъ, вызываетъ" и др. под. доказываютъ, что мы говоримъ въ данномъ случаѣ лишь о возможности пробужденія въ насъ впечатлѣніями міра желаній и хотѣній, уже потенціально присущихъ душѣ или психической энергіи, но ожидавшихъ толчка для своего обнаруженія. Этотъ толчекъ ускоряетъ ихъ обнаруженіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по ассоціаціи, или внутренней связи психическихъ состояній, онъ часто вызываетъ обнаруженіе цѣлаго ряда другихъ представленій, чувствъ, стремленій и желаній, которыя могутъ противоборствовать данному. Такимъ образомъ, впечатлѣнія міра только пускаютъ въ ходъ психическую энергію, пробуждаютъ извѣстное психическое содержаніе и рядъ реакцій воли, которыя не зависятъ отъ этихъ впечатлѣній, а исходятъ изъ какого-то другого *внутренняго* источника.

Отъ чего-же зависитъ направленіе и характеръ желаній и хотѣній, т. е. тѣхъ или другихъ отношеній воли къ даннымъ предметамъ воспріятія и опыта? Ощущенія, представленія, идеи возбуждаютъ въ насъ чувствованія удовольствія и страданія,—чувства, волненія, аффекты. Можетъ-быть эти состоянія и опредѣляютъ направленіе желаній, хотѣній, ихъ силу и исходъ ихъ борьбы? Такъ думаютъ многіе, такъ думали прежде и мы. Но при внимательномъ и всестороннемъ разсмотрѣніи этой гипотезы являются затрудненія.

Дѣло въ томъ, что удовольствія и страданія, радости и печали—по теоріи современныхъ психофизіологовъ—зависятъ отъ отношенія траты энергіи къ ея накопленію или запасу. Удовольствіе испытывается, когда эти траты происходятъ въ предѣлахъ данной энергіи, увеличиваясь и уменьшаясь пропорціонально ей; страданіе,—когда трата не достигаетъ или превышаетъ запасъ энергіи. Допустимъ однако, что чувства зависятъ не всегда отъ *количества* затрачиваемой энергіи, а весьма часто отъ качествъ ея или отъ способа ея затраты *). Все-таки чувства появляются лишь на почвѣ затраты психическихъ энергій или, что то-же, на почвѣ „психической дѣятельности". Это значитъ, что чувства являются показателями отношенія данной психической дѣятельности или работы къ количеству или качеству затрачиваемыхъ ею энергій. Но дѣятельность или работа есть уже дѣятельная реакція субъекта на впечатлѣнія, т. е. реакція воли. Отчего-же зависитъ эта реакція — ея характеръ? Если отъ воли, то чувствованія и чувства надо признать, какъ это уже и дѣлалъ Шопенгауэръ, показателями *удовлетворенія или неудовлетворенія воли*, при чемъ размѣры этого удовлетворенія или неудовлетворенія зависятъ всецѣло отъ даннаго направленія воли или характера хотѣній. Слѣдовательно, выводить акты воли изъ чувствъ, какъ причинъ, было-бы близоруко, такъ какъ самый характеръ чувствъ зависитъ отъ направленія хотѣній личности. Мы говоримъ,

*) См. нашу статью „О значеніи чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка". Москва, 1889 г.

что „чувства наши зависятъ отъ нашихъ потребностей и настроеній“, но вѣдь потребности и настроенія опредѣляются сами направленіями воли. Положимъ, мы испытываемъ усталость, т. е. страданіе отъ ходьбы. По ученію психо-физіологовъ это значитъ, что истощилась или истощается наша мускульная энергія. Но для психолога такое разсужденіе представляется слабымъ, ибо, если-бы я „захотѣлъ“ идти далѣе, то тѣмъ самымъ я перевелъ бы часть энергіи изъ однихъ органовъ въ другіе и могъ-бы еще долго идти и не испытывать усталости и страданія. Мы всѣ знаемъ, что́ значитъ сдѣлать надъ собою *напряженіе*, *усиліе* въ работѣ: усталость, истощеніе силъ на время проходятъ, и мы снова продолжаемъ бодро дѣйствовать. Намъ скажутъ, что есть предѣлъ всякому напряженію? Но какой-же? Смерть? Пусть такъ: мы знаемъ, что сильная воля можетъ довести организмъ и до этого предѣла, который слѣдовательно *самъ находится въ рукахъ воли*, а *не она въ его рукахъ*. Вѣдь вопросъ идетъ о томъ, можетъ-ли какое-либо чувство *принудить* волю принять то или другое направленіе, или не можетъ? Оказывается, что не можетъ, ибо во первыхъ само чувство, нами испытываемое, отчасти зависитъ отъ воли, а во вторыхъ, какое-бы страшное чувство страданія или великое наслажденіе мы ни испытывали, или ни ожидали въ перспективѣ, мы можемъ *вопреки ему* дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. Отчего-же зависятъ наши хотѣнія, если они не состоятъ въ принудительной зависимости ни по отношенію къ представленіямъ, ни по отношенію къ чувствамъ, а наоборотъ: весьма часто сами

наши представленія (чрезъ акты вниманія) и еще въ большей степени наши чувства опредѣляются направленіями воли?

7. Основной источникъ влеченій и желаній.

Здѣсь мы должны сдѣлать прежде всего важное разграниченіе, всецѣло основанное на показаніяхъ самосознанія.

Дѣятельная энергія наша, до момента полнаго своего опредѣленія въ „хотѣніяхъ“ того или другого характера или направленія, претерпѣваетъ извѣстный *процессъ развитія*. Сначала она проявляется въ состояніяхъ, которыя еще нельзя называть „актами воли“ въ полномъ смыслѣ этого слова — эти состоянія выражаются особыми терминами: стремленій, желаній, влеченій, которыя могутъ и не переходить въ хотѣнія и дѣйствія. Для животныхъ желанія суть уже и хотѣнія. Значитъ-ли это, что они способны лишь къ хотѣніямъ низшаго порядка или вовсе неспособны къ хотѣніямъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—для насъ все равно. Несомнѣнно, что при извѣстномъ развитіи субъекта, моменты желанія и хотѣнія различны и мы признаемъ свободу воли только у существъ, у которыхъ эти моменты раздѣлены и разобщены, — у которыхъ желаніе можетъ и не стать хотѣніемъ. Есть и люди, у которыхъ желанія совпадаютъ съ хотѣніями, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что самое сильное и яркое желаніе безсознательнымъ процессомъ перерабатывается въ хотѣніе. Этихъ людей

мы то-же не признаемъ обладающими свободной волей въ истинномъ значеніи этого слова. Таковы всѣ дѣти до извѣстнаго возраста, или вѣрнѣе, момента развитія,— таковы многіе больные, особенно психически-больные люди, у которыхъ желанія уже не борятся другъ съ другомъ, а всякое данное желаніе является въ то-же время и хотѣніемъ, переходящимъ немедленно въ дѣйствіе. Таковы, наконецъ, и здоровые, нормальные люди, въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ, при извѣстныхъ психическихъ состояніяхъ — аффекта, страсти. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, свободно или не свободно они привели себя или попали въ психическое состояніе, при которомъ желаніе равносильно хотѣнію. Несомнѣнно, что такіе случаи „совпаденія желаній или влеченій съ хотѣніями“ бываютъ и у здоровыхъ зрѣлыхъ людей. Но всѣ эти случаи сравнительно рѣдки. Общее-же правило состоитъ въ томъ, что у людей нормальныхъ и здоровыхъ, достигшихъ полнаго развитія воли, между желаніями и хотѣніями стоитъ промежуточный процессъ самоопредѣленія воли, заключающійся въ сознательномъ анализѣ желаній и окончательномъ выборѣ дѣйствія.

Этотъ фактъ значительно усложняетъ изслѣдуемый нами вопросъ о происхожденіи актовъ воли, ибо прежде всего возникаетъ вопросъ объ источникахъ желаній, стремленій и влеченій, и о характерѣ и степени ихъ необходимости,—и только послѣ его рѣшенія, явится возможность правильно поставить вопросъ о свободѣ или несвободѣ окончательныхъ актовъ воли разумнаго существа, т. е. его хотѣній.

Итакъ, сначала займемся вопросомъ объ условіяхъ возникновенія *желаній, стремленій и влеченій*. Различіе этихъ терминовъ для насъ теперь несущественно. Оно обозначаетъ лишь различныя степени сознательности и общности тѣхъ первыхъ и основныхъ проявленій воли, которыя могутъ и не совпадать съ ея окончательными „актами“. Терминъ „желанія“ обозначаетъ болѣе частныя, сознательныя и опредѣленныя, т. е. ясно направленныя на извѣстные объекты проявленія воли, термины-же стремленій и влеченій обозначаютъ болѣе общія, менѣе опредѣленныя и сознательныя проявленія воли. Откуда-же берутся эти первоначальныя проявленія воли различной степени ясности, опредѣленности и общности?

Мы отрицали предположеніе, чтобы они могли быть вполнѣ обусловлены представленіями и даже чувствами, ибо представленія опредѣляютъ только предметы стремленій и желаній, но не характеръ *нашего отношенія* къ этимъ предметамъ, выражающагося въ желаніяхъ того или другого характера,—чувства-же сами отчасти зависятъ отъ направленія желаній и вообще отъ направленія воли. Но нельзя все-таки отрицать, что между нашими чувствами и желаніями есть извѣстная близкая связь, похожая на зависимость послѣднихъ отъ первыхъ. Человѣкъ естественно желаетъ того, что ему пріятно и не желаетъ того, что ему непріятно, что доставляетъ ему страданіе или боль. Мы разсматриваемъ эти особенности соотношенія его желаній съ чувствами, какъ послѣдствія его инстинкта самосохраненія. Это значитъ, что человѣкъ въ сущности желаетъ

или не желаетъ не извѣстныхъ чувствованій и чувствъ, а тѣхъ состояній или явленій въ организмѣ, показателями которыхъ эти чувства служатъ. Такимъ образомъ, этого рода желанія имѣютъ источникомъ извѣстныя свойства и процессы его организма, что подтверждается и тѣмъ, что чувствованія и чувства, какъ мы уже видѣли, сами являются показателями извѣстныхъ отношеній въ области траты энергій нашего организма и его отдѣльныхъ органовъ.

Итакъ, мы повидимому нашли одинъ несомнѣнный и основной источникъ желаній. Этотъ источникъ - индивидуальная физическая организація. Она обусловливаетъ тотъ или другой запасъ энергій (въ количественномъ или качественномъ отношеніи), который, въ свою очередь, опредѣляетъ тотъ или другой характеръ чувствъ, а эти послѣднія косвенно вліяютъ на характеръ желаній, ибо собственно источникъ этихъ послѣднихъ не въ самихъ чувствахъ, а въ томъ, что̀ ихъ обусловливаетъ, т. е. въ отношеніи траты энергій организма къ ихъ наличнымъ свойствамъ, которыя зависятъ отъ организаціи. Здѣсь мы оставляемъ пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, на сколько распредѣленіе энергій организма, а слѣдовательно, косвенно и характеръ чувствъ и желаній, можетъ-быть видоизмѣняемъ окончательными актами сознательной воли—хотѣніями. Мы имѣемъ теперь въ виду лишь простѣйшіе случаи, которыхъ много и которые всѣмъ намъ извѣстны, а именно—когда сознательныя хотѣнія не вмѣшиваются въ дѣло распредѣленія энергій въ организмѣ и когда чувства и желанія несомнѣнно связаны съ извѣстнымъ

даннымъ ихъ распредѣленіемъ и размѣщеніемъ въ органахъ нашего тѣла. Желанія въ этихъ случаяхъ, какъ мы сказали, зависятъ отъ общей организаціи и даннаго состоянія органовъ, — и на этомъ утвержденіи мы особенно настаиваемъ, такъ какъ существуетъ много случаевъ и условій, при которыхъ желанія также вытекаютъ изъ свойствъ организаціи, постоянныхъ или временныхъ, но не предваряются чувствами (какъ въ указанныхъ выше случаяхъ), а напротивъ предваряютъ ихъ и очевидно обусловливаютъ. Эти желанія отчасти *индивидуальны*, какъ напр., желаніе способнаго ребенка учиться, когда онъ еще не учился и не знаетъ, будетъ-ли ученіе ему пріятно или нѣтъ, или когда напр., человѣкъ подъ вліяніемъ привычки къ извѣстной дѣятельности, испытываетъ въ извѣстные часы дня стремленіе къ извѣстному труду, не чувствуя однако никакого страданія отъ его отсутствія; — другія желанія того-же типа слѣдуетъ признать уже не индивидуальными, а *болѣе или менѣе общими* всѣмъ человѣческимъ существамъ, а иногда и животнымъ, какъ напр. желанія и влеченія, связанныя съ процессами питанія, дыханія, размноженія и тому подобныя. Тѣ и другія желанія одинаково зависятъ отъ анатомической и физіологической организаціи человѣка и вообще живого существа, но одни, какъ общія, такъ и индивидуальныя, связаны съ *наслѣдственной организаціей*, другія — съ организаціей *благопріобрѣтенной*, т. е. сложившейся подъ вліяніемъ привычекъ, привычнаго образа дѣйствій. Первыя обыкновенно называются *инстинктами* или инстинктивными желаніями и влеченіями. Конечно, всѣ только

что указанныя желанія и стремленія еще тѣснѣе и полнѣе связаны съ организаціей и независимы отъ личной воли и сознательныхъ хотѣній, чѣмъ тѣ, которыя предшествуются чувствами, ибо чувства могутъ все-таки возбуждать самодѣятельныя реакціи сознательной воли, а стремленія и желанія, возникающія независимо отъ чувствъ, имѣютъ повидимому совершенно роковой органическій характеръ.

Такимъ образомъ, основнымъ источникомъ влеченій и желаній живого существа должны быть признаны не воспріятія, представленія, чувства и волненія его, а повидимому тѣ факты физической его организаціи, которые опредѣляютъ и обусловливаютъ всѣ эти страдательныя его состоянія и способы отвѣтныхъ реакцій на нихъ нашей воли и дѣятельной энергіи. Этотъ выводъ конечно представится многимъ болѣе детерминистическимъ и безнадежнымъ для ученія о волѣ и ея источникахъ, чѣмъ старое ученіе о зависимости воли отъ воспріятій, представленій и чувствъ субъекта. Но остережемся отъ поспѣшныхъ обобщеній. Доказанное нами положеніе требуетъ еще внимательнаго истолкованія. Вопросъ въ томъ: *откуда берется сама физическая организація, какъ она произошла, что ее созидаетъ и видоизмѣняетъ?* Мы видѣли, что всѣ воспріятія, т. е. ощущенія, представленія и чувства, суть состоянія психической энергій, совершенно отличныя отъ физическихъ и физіологическихъ движеній, ихъ вызывающихъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ предположить, что желанія, стремленія, влеченія суть не простыя состоянія организма, а особыя чисто психическія реакціи, связанныя съ эти-

ми состояніями: въ нихъ внутренняя психическая энергія проявляется еще чище и непосредственнѣе, чѣмъ въ пассивныхъ состояніяхъ сознанія. Слѣдовательно, мы еще должны отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ,—въ какомъ именно смыслѣ организація обусловливаетъ желанія и влеченія—сама ли *изъ себя* она ихъ порождаетъ, или она только связываетъ, направляетъ, ограничиваетъ и расширяетъ, ускоряетъ и замедляетъ въ насъ смѣну данныхъ въ нашемъ сознаніи возможностей или потенцій психической дѣятельности? А этотъ вопросъ сводится именно къ вопросу: откуда берется и какъ развивается сама физическая организація, изъ нѣдръ которой таинственно выплываютъ извѣстныя стремленія и желанія? Вѣдь не сама-же собою и не изъ ничего она слагается? Или она произошла сверхъ-естественнымъ путемъ, благодаря акту воли высшаго Существа (какъ думаетъ старая школа натуралистовъ), и тогда вложенныя въ организмъ желанія—косвенныя „проявленія этой Высшей воли". Или она произошла естественно, путемъ извѣстнаго развитія, по извѣстнымъ законамъ природы и подъ вліяніемъ взаимодѣйствія извѣстныхъ силъ (какъ полагаетъ, новѣйшая школа натуралистовъ—дарвинистовъ).

Мы не будемъ разбирать вопроса о происхожденіи первыхъ организацій. Несомнѣнно, что данныя намъ эмпирически организаціи—наша и другихъ существъ—произошли естественнымъ путемъ, изъ видоизмѣненія и развитія предшествующихъ организацій. Это даетъ намъ право предположить, по крайней мѣрѣ на время, *возможность* естественнаго происхожденія всѣхъ орга-

низацій, т. е. всѣхъ анатомическихъ и физіологическихъ, общихъ или видовыхъ, и частныхъ или индивидуальныхъ особенностей всѣхъ организмовъ, которыми обусловливаются извѣстныя ихъ желанія, и стремленія, —и на этой гипотезѣ мы пока остановимся, такъ какъ она облегчитъ намъ возможность рѣшенія по существу вопроса о происхожденіи всякой организаціи.

Итакъ, предположимъ на время, что всякій организмъ, всякая организація слагается естественно. Какъ это происходитъ? Мы знаемъ, что всякое измѣненіе въ органѣ, или развитіе его, а также часто самое возникновеніе или уничтоженіе его зависятъ отъ продолжительнаго дѣйствія или бездѣйствія его, или всего организма, въ извѣстномъ направленіи. Отчего-же зависитъ это послѣднее, т. е. частое или постоянное, такъ называемое „привычное“ дѣйствіе организма или органа? Мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ *тройко*, а именно сказать, что оно зависитъ—или опять отъ наслѣдственной-же организаціи, которая выражается въ привычныхъ дѣйствіяхъ и чрезъ нихъ сама себя упрочиваетъ,—или отъ среды, окружающей организмъ и видоизмѣняющей направленіе его дѣйствій,—или отъ воли, въ немъ заключенной. Первый отвѣтъ не былъ-бы отвѣтомъ. ибо опять возникъ-бы вопросъ, откуда-же явилась эта, сама себя доразвивающая и заканчивающая наслѣдственная организація? Второй отвѣтъ представляется невозможнымъ, ибо среда дѣйствуетъ на организмъ чрезъ посредство впечатлѣній, а впечатлѣнія, какъ мы видѣли въ свое время, не предрѣшаютъ характера

дѣятельныхъ реакцій организма, ибо этотъ характеръ зависитъ существеннымъ образомъ отъ организаціи или-же отъ воли его, т. е. отъ того именно, что намъ предстоитъ объяснить. Вѣдь уже самые способы воспріятія впечатлѣній зависятъ отъ организаціи и воли, а тѣмъ болѣе отъ нихъ зависятъ стремленія и желанія, не находящіяся, какъ мы показали, въ роковой зависимости отъ воспріятій. Итакъ остается предположить, что привычныя дѣйствія организма опредѣляются въ концѣ концовъ его волею и что она-же опредѣляетъ такимъ образомъ его организацію. И въ самомъ дѣлѣ: если организація человѣка измѣняется вопреки ея наслѣдственнымъ свойствамъ, въ силу его личныхъ привычныхъ дѣйствій, и если эти ея измѣненія потомъ снова закрѣпляются наслѣдственностью (въ слѣдующихъ поколѣніяхъ), то источникомъ этихъ измѣненій можетъ быть только личная воля, которая приспособляетъ организацію къ средѣ. Безъ воли-же или хотѣнія приспособленія, это послѣднее въ разумномъ существѣ не можетъ совершиться: нужно — или дѣятельное усиліе, или по крайней мѣрѣ, согласіе и бездѣйствіе воли сознательнаго существа, чтобы внѣшнія условія измѣнили его организацію.

Такимъ образомъ, воля или внутренняя дѣятельная энергія субъекта есть единственная сила, способная измѣнить организацію—безъ этой силы, ни одна другая внѣшняя сила не пріобрѣтетъ возможности дѣйствовать на организмъ. Но что-же это за воля, которая создаетъ, измѣняетъ всякую организацію и приспособляетъ ее къ средѣ путемъ повторныхъ дѣйствій, имѣющихъ источ-

никомъ ея усилія? Свойства *этой* воли опредѣляются уже упомянутымъ общимъ ея обозначеніемъ посредствомъ термина „инстинкта самосохраненія“. Всякое созиданіе, измѣненіе, развитіе, преобразованіе или-же поддержаніе въ данномъ видѣ той или другой организаціи имѣетъ источникомъ инстинктъ самосохраненія, а этотъ послѣдній означаетъ собою общее направленіе или свойство всей воли, или, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторой области воли живого существа. Самый этотъ основной инстинктъ или характеръ воли не можетъ зависѣть отъ той или другой организаціи, ибо онъ самъ порождаетъ и оберегаетъ ее, и притомъ, въ своихъ общихъ и основныхъ качествахъ, онъ проявляется одинаково во всѣхъ организмахъ и организаціяхъ. Онъ обозначаетъ собою ту основную силу, которая дѣйствуетъ въ инертной матеріи, и преобразуетъ ее въ живой организмъ. Но что-же это за сила, если вникнуть въ смыслъ ея глубже? Инстинктъ «самосохраненія»; но что означаетъ это „само“? Это „само“ есть *жизнь*, какъ основное проявленіе дѣятельной силы или воли. Жизнь-же есть существованіе этой дѣятельной силы или воли въ эмпирическихъ формахъ—пространства и времени. Слѣдовательно, инстинктъ самосохраненія обозначаетъ собою основное стремленіе воли или дѣятельной силы природы *проявиться въ извѣстныхъ явленіяхъ во времени и пространствѣ* и удержать, развить и какъ можно долѣе продолжить это свое проявленіе во времени и пространствѣ, т. е. въ извѣстномъ индивидуумѣ или организмѣ, какъ суммѣ такъ или иначе ею-же согласованныхъ для этой цѣли матеріальныхъ частицъ. Если извѣстное данное распредѣленіе

этихъ частицъ, называемое наслѣдственной организаціей, ограничиваетъ затѣмъ волю, налагаетъ на нее извѣстныя цѣпи и принужденія, стѣсняетъ и связываетъ ее, то очевидно, что въ концѣ концовъ это *она-же сама себя* связала, ограничила, наложила на себя ярмо данной организаціи, ибо воля или стремленіе къ жизни является единственнымъ возможнымъ организующимъ матерію „дѣятельнымъ“ началомъ въ природѣ.

Такимъ образомъ, если ближайшимъ образомъ тѣ принужденія, которыя испытываетъ воля, благодаря организаціи, имѣютъ источникомъ *ея-же прежніе акты и проявленія* въ индивидуумахъ предшествующихъ безчисленныхъ поколѣній, то эти прежніе акты и проявленія личной воли въ нашихъ предкахъ повидимому въ свою очередь должны быть сведены къ основному и изначальному акту „вселенской“ воли, захотѣвшей проявить себя въ мірѣ, т. е. въ матеріи —въ тѣхъ формахъ бытія, которыя выражаются понятіями пространства и времени. Эта воля сама себя вдвинула постепенно, путемъ естественной эволюціи въ длинномъ рядѣ существъ. въ извѣстное русло организаціи, и потому ея данныя состоянія, т. е. желанія и стремленія,—только проявленія и повторенія ея-же собственныхъ прежнихъ актовъ, которыя зависѣли отъ нея самой. «Данная» индивидуальная воля, связанная съ наслѣдственной индивидуальной организаціей, зависитъ—правда—не отъ самой себя, а ближайшимъ образомъ отъ «другихъ» индивидуальныхъ-же волей, отъ которыхъ она отдѣлилась и произошла; но если принять во вниманіе конечное единство и родство всѣхъ индивидуальныхъ организмовъ и,

слѣдовательно, волей. то утвержденіе, что воля, завися отъ организаціи, зависитъ лишь отъ самой себя, станетъ совершенно понятнымъ. Организація, очевидно, служитъ не положительнымъ самобытнымъ источникомъ тѣхъ или другихъ стремленій и вообще направленій воли, а является лишь ограничивающимъ и связывающимъ ихъ *хранилищемъ*, т. е. отрицательнымъ ихъ условіемъ, при чемъ, будучи сама продуктомъ воли, она должна быть признана только „орудіемъ ея самоопредѣленія и самоограниченія". Поэтому, если-бы мы предположили, что первоначальныя и основныя организаціи произошли сверхъестественнымъ путемъ — какъ изліяніе Высшей воли—то это ничего существеннаго не измѣнило-бы въ нашемъ положеніи, ибо все-таки осталось-бы вѣрнымъ, что всякая индивидуальная воля, зависящая отъ индивидуальной физической организаціи, есть порожденіе общей и единой воли къ жизни, какъ одного изъ актовъ Высшей воли, добровольно проявляющейся въ условіяхъ времени и пространства. Съ этой точки зрѣнія и всѣ законы психической дѣятельности, насколько они опредѣляются характеромъ нервной и мозговой организаціи, должны быть признаны дѣйствіями акта міровой воли къ жизни. и слѣдовательно, та *относительная* необходимость, которая проявляется, напр., въ общихъ законахъ нашего мышленія, т. е. въ связываніи нашихъ понятій и сужденій, какъ *основаній* и *слѣдствій*, представится намъ продуктомъ дѣйствія міровой воли, естественно или сверхъестественно воплощающейся въ мірѣ и въ его организмахъ.

Такъ вотъ смыслъ той необходимости, которая лежитъ въ природѣ всѣхъ желаній и дѣйствій, зависящихъ отъ организаціи. *Необходимость* какъ мы давно уже установили, зависитъ отъ природы самой воли и ея отношенія къ своему дѣянію или проявленію, а не отъ чего-либо ей посторонняго, и желанія, связанныя съ организаціей, необходимы лишь въ той мѣрѣ, въ какой они суть проявленія или моменты дѣйствія изначальной воли къ жизни. Но ея собственный *внутренній* актъ, т. е. хотѣніе ея проявиться въ мірѣ явленій (т. е. въ матеріи), какъ источникъ *всякой* необходимости въ сферѣ жизни организмовъ, долженъ быть признанъ свободнымъ. Весь вопросъ лишь въ томъ: предопредѣлена-ли всякая организація изначала *единымъ* свободнымъ актомъ міровой воли — хотѣніемъ ея проявиться въ матеріи или жить въ эмпирическомъ смыслѣ слова, такъ что всѣ послѣдующіе акты хотѣнія жить, и слѣдовательно, акты ея самоограниченія (путемъ измѣненія организаціи инстинктомъ самосохраненія)—только необходимыя звенья этого общаго и единаго акта, или-же въ нѣкоторыхъ существахъ это хотѣніе жить и проявляться индивидуально остается отчасти свободнымъ и независимымъ отъ предшествующихъ актовъ и отъ основного или первоначальнаго дѣйствія „вселенской“ воли, воплощающейся въ мірѣ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ зависѣть отъ того, какъ мы разрѣшимъ слѣдующую проблему: существуютъ-ли, не только въ животныхъ, но и въ человѣкѣ, только *одного* рода желанія, а именно тѣ, которыя опредѣляются инстинктомъ самосохраненія, или-же въ тѣхъ

существахъ человѣческихъ, которыхъ мы считаемъ *свободными*, т. е. въ здоровыхъ людяхъ извѣстнаго развитія, есть и другой источникъ желаній, чуждыхъ инстинкту самосохраненія и по природѣ свободныхъ? Если Шопенгауэръ пришелъ къ странному предположенію, что въ каждомъ отдѣльномъ существѣ, хотя-бы и разумномъ, человѣческомъ, воля несвободна и предопредѣлена *прирожденнымъ характеромъ*, составляющимъ воплощеніе „свободнаго акта умопостигаемой и, притомъ, по существу неразумной воли“, то такое вдвойнѣ нелѣпое предположеніе зависѣло именно отъ убѣжденія его въ возможности *всѣ* стремленія человѣка вывести изъ инстинкта самосохраненія или воли къ жизни, какъ *единственнаго* источника хотѣній разумнаго существа. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ: воля къ жизни, если она единственная данная въ мірѣ форма воли, не можетъ не быть признана прирожденной и неразумной, хотя и должна *свободно* полагать себя, ибо отъ нея исходитъ всякая жизнь. Но, если мы допустимъ, что воля къ жизни есть только *одна* изъ формъ или *одинъ* только актъ (т. е. дѣйствіе) „вселенской“ воли, не только свободно, но и цѣлесообразно и разумно ею совершаемый, то и въ нѣкоторыхъ живыхъ существахъ, достигшихъ разумнаго развитія, придется признать частицу той свободной вселенской воли, которая отъ себя рѣшаетъ—быть или не быть, т. е. жить или не жить въ въ мірѣ явленій. Любопытно, что и самъ Шопенгауэръ фактически призналъ въ нравственно-развитыхъ существахъ эту способность самостоятельнаго рѣшенія вопроса о бытіи или небытіи, и потому долженъ былъ

допустить „единственный (?) случай, когда свобода воли можетъ быть видима и въ явленіи“ (Міръ, какъ в. и пр., I, 70).

8. Второй источникъ желаній и вытекающая изъ него свобода личной воли.

Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что *есть* въ человѣкѣ желанія и стремленія, несводимыя къ инстинкту самосохраненія. На первый взглядъ таковыми кажутся всѣ стремленія и желанія, направленныя къ сохраненію рода. Вѣдь они ведутъ обыкновенно къ умаленію блага и энергіи жизни индивидуальнаго организма и даже часто косвенно къ погибели и уничтоженію его. Но эти желанія, хотя и борятся съ индивидуальнымъ инстинктомъ самосохраненія, могутъ быть все-таки истолкованы какъ форма и проявленіе *его*, т. е. воли къ жизни въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, ибо ведутъ за собою повтореніе, если не тождественныхъ, то сходныхъ индивидуумовъ или проявленій воли къ жизни, органически связанныхъ съ даннымъ. Притомъ, эти желанія несомнѣнно заложены въ физическую организацію и непосредственному сознанію почти всегда представляются какъ желанія, имѣющія тѣсное соотношеніе съ индивидуальнымъ благомъ, пользою и самосохраненіемъ даннаго существа. Слѣдовательно, тутъ мы имѣемъ повидимому дѣло съ извѣстнаго рода обманомъ природы: организація и инстинктъ самосохраненія нашей отдѣльной воли къ жизни ведутъ насъ въ ловушку и дѣлаютъ безсознательно слугами *общей* воли къ жизни и ея инстинкта самосохра-

ненія. Есть въ насъ однако другія стремленія, которыя несомнѣнно имѣютъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ влеченія къ матеріальному благу и физическому сохраненію организаціи и сознательно представляются намъ совершенно противорѣчащими этимъ послѣднимъ и ихъ парализующими. Таковы всѣ такъ называемыя нравственныя и альтруистическія стремленія. Всѣ попытки новѣйшихъ моралистовъ вывести нравственныя стремленія изъ болѣе полнаго и яснаго сознанія пользы и блага личности, не могутъ уничтожить того многознаменательнаго факта, что человѣкъ способенъ *сознательно* отрицать свою пользу, попирать ее и жертвовать не только ею, и вообще болѣе или менѣе значительнымъ личнымъ благомъ, но и *самою жизнью*, своею и даже своихъ близкихъ (напр. дѣтей), во имя высшихъ идей—добра, Бога, истины. Если инстинктъ самосохраненія есть воля къ жизни матеріальной—личной или родовой—ограниченной временемъ и пространствомъ, то *эти* влеченія и желанія, напротивъ, имѣютъ объектомъ *вѣчность*, внѣвременные и внѣпространственные интересы и какъ-бы стремятся изъять *волю изъ міра явленій*, вывести за его предѣлы въ другую область. Тутъ уже не можетъ быть и обмана со стороны общей воли къ жизни, такъ какъ эти акты самоотреченія воли обыкновенно осуществляются *сознательно* и именно только при этомъ условіи и получаютъ нравственную цѣну,— значеніе „нравственныхъ стремленій“.

Такой-же характеръ имѣютъ и нѣкоторыя другія стремленія, признаваемыя „идеальными“, напр. желаніе постигнуть во что-бы ни стало и отстоять истину, по-

служить красотѣ и воплотить ее въ формахъ. Эти желанія и стремленія часто требуютъ такихъ-же тяжелыхъ жертвъ отъ личности, какъ и чисто нравственныя влеченія къ добру. Они точно такъ-же ведутъ къ сознательнымъ страданіямъ личности, а иногда и къ *потерѣ жизни*, безъ всякаго осязательнаго и удобопонятнаго возмѣщенія. Такія желанія невозможно вывести изъ свойствъ и характера воли къ жизни и лучше всего доказалъ это на живомъ примѣрѣ самъ Шопенгауэръ, выводящій *всю* духовную жизнь личности изъ „воли къ жизни“. Во имя идеала истины, онъ пришелъ къ выводу о необходимости „отрицанія воли къ жизни и конечнаго уничтоженія ея проявленій во времени и пространствѣ“. Какъ-же вывести это стремленіе къ истинѣ, заставившее его *отрицать* волю къ жизни, изъ *самой* воли къ жизни въ мірѣ явленій?

Очевидно нельзя и нелѣпо было-бы выводить изъ свойствъ организаціи и изъ инстинкта самосохраненія направленія воли, имѣющія *сознательнымъ* результатомъ страданія, всяческія лишенія, униженія и умаленія личности, всякіе ущербы и несомнѣнный вредъ для индивидуальной организаціи, какъ это почти всегда бываетъ при самоотверженномъ служеніи идеямъ и нравственнымъ цѣлямъ, съ потерею здоровья и всякихъ выгодъ,— и, наконецъ, даже смерть и погибель личности? Выводить всѣ эти стремленія изъ инстинкта самосохраненія или изъ „воли къ жизни въ мірѣ явленій“, значило-бы предполагать въ человѣкѣ слѣпоту, идіотизмъ, неразумность. Да и самое существо этихъ стремленій таково, что они принципіально отрицаютъ рамки существованія во

времени и пространствѣ, и заставляютъ человѣка выходить изъ своей ограниченности, искать вѣчнаго, безвременнаго, неизмѣннаго. Шопенгауэръ подтвердилъ и это положеніе своими *отрицательными* мечтами о *вѣчномъ* успокоеніи воли въ состояніи отреченія отъ жизни (въ Нирванѣ).

Нельзя вывести стремленія воли къ „самоограниченію“ и къ „уничтоженію своей ограниченности“ изъ одного источника. Нельзя вывести изъ одного источника стремленіе къ жизни и стремленіе къ смерти, во времени и пространствѣ. Идеальныя стремленія суть стремленія къ вѣчному и безконечному, къ смерти индивидуальной и къ бытію *вопреки уничтоженію индивидуальныхъ формъ*, а чувственныя влеченія, связанныя съ физической организаціей, суть влеченія къ временному, болѣе или менѣе скоропреходящему и ограниченному въ пространствѣ. Очевидно, есть два рода источниковъ влеченій, желаній въ человѣкѣ: одинъ—это воля къ жизни во времени и пространствѣ, къ жизни эмпирической, чувственной, часто подъ условіемъ жертвы неограниченностью и способностію жить для вѣчности, (этою волею обладаютъ и всѣ животныя, которымъ мы не приписываемъ *свободы* воли) и другой—это воля къ существованію внѣ времени и пространства — къ жизни внѣэмпирической, сверхчувственной или идеальной, подъ условіемъ жертвы существованіемъ во времени и пространствѣ, т. е. подъ условіемъ болѣе или менѣе значительныхъ ограниченій, и даже смерти и разрушенія тѣла.

Это значитъ, что если предположить, что воля, какъ дѣятельное міровое начало, *едина*, то одно изъ

ея основныхъ стремленій придется признать „отрицательнымъ“, другое „положительнымъ“, и если положительное стремленіе есть стремленіе къ вѣчности, то отрицательный характеръ будетъ имѣть влеченіе къ существованію и ограниченію себя во времени и пространствѣ. Это послѣднее направленіе воли дѣйствительно нельзя не признать *отрицательнымъ*, уже потому, что въ матеріи, которая организуется волею, она встрѣчаетъ, какъ мы видѣли, разнообразныя сопротивленія и ограниченія, которымъ подчиняется. Пусть она подчиняется имъ, въ концѣ концовъ, *свободно*—все-таки эти, хотя-бы и свободныя „самоограниченія“ несомнѣнны. Но мы однако еще не знаемъ, *свободны*-ли они въ каждой разумной личности—и въ этомъ заключается для насъ теперь главный вопросъ.

Найдя *двойной* источникъ желаній, влеченій и стремленій въ двоякомъ коренномъ направленіи самой воли или въ двоякомъ свойствѣ ея природы, посмотримъ теперь, можно-ли — и въ какой степени — признать личную волю человѣка свободной въ выборѣ этихъ влеченій, т. е. въ опредѣленіи своихъ конечныхъ актовъ,—*хотѣній*.

Мы уже говорили, что свободу личной воли мы—люди—предполагаемъ и допускаемъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда между желаніями и хотѣніями есть промежуточный моментъ развитія и сознательнаго опредѣленія. Если желанія совпадаютъ съ хотѣніями и эти послѣднія не выдѣляются отъ первыхъ, то мы не считаемъ возможнымъ говорить о свободѣ живого существа. Что это значитъ? А вотъ что: если воля въ

личности еще не дошла до того развитія, когда появляются въ сознаніи высшія идеальныя влеченія, противоборствующія инстинкту самосохраненія и жизни во времени, то настоящей борьбы между двоякаго рода влеченіями еще не можетъ быть, а слѣдовательно не можетъ быть рѣчи и „о принципѣ“ этой борьбы. Тогда влеченія, связанныя съ наслѣдственной организаціей и пробуждаемыя впечатлѣніями среды, или спокойно уживаются и чередуются, или-же безсознательно побѣждаютъ и быстро переходятъ въ хотѣнія—сильнѣйшія, какъ выраженія тѣхъ сильнѣйшихъ актовъ воли индивидуумовъ предшествующихъ поколѣній, которые воплотились въ наслѣдственномъ или прирожденномъ *характерѣ*. Таково именно отношеніе смѣны чувственныхъ органическихъ влеченій у животныхъ, у дѣтей съ неразвившеюся еще волей и сознаніемъ, и у психически больныхъ людей—съ волею выродившеюся (хотя-бы и „свободно“).

Если-же стали проявляться въ сознаніи высшія, идеальныя стремленія, то начинается неизбѣжно борьба съ ними чувственныхъ влеченій, связанныхъ съ организаціей или съ инстинктомъ самосохраненія, и тогда именно является возможнымъ говорить *о свободѣ воли* въ рѣшеніи исхода этой борьбы.

Весьма любопытно, что влеченія чувственныя, будучи заложены въ организацію нашу и завися отъ воли не нашей личной, а отъ воли міровой — отъ воли къ жизни органической, прошедшей сложную эволюцію, испытываются нами, съ момента пробужденія нашей собственной идеальной воли, независимой отъ физической организаціи, какъ нѣчто *извнѣ намъ навязы-*

ваемое какъ-бы чужою волею (вѣдь таковы эти влеченія на самомъ дѣлѣ); вслѣдствіе этого религіозные люди и приписываютъ эти чувственныя влеченія какъ-бы поселившейся въ насъ и соблазняющей насъ посторонней силѣ—злому духу. Наши-же высшія духовныя стремленія, противныя индивидуальной ограниченности, которая выражается въ физической организаціи, представляются намъ *нашими собственными*, *настоящими*, *намъ однимъ* принадлежащими стремленіями и желаніями, что и правильно, ибо они принадлежатъ пробудившемуся въ насъ—нашему дѣйствительному субъекту или психическому „я“,—тому „я“, о которомъ мы говоримъ, что онъ подлежитъ въ своемъ дѣйствіи настоящимъ психологическимъ (а не психо-физіологическимъ), логическимъ, нравственнымъ и эстетическимъ (а не физическимъ, химическимъ и физіологическимъ) законамъ. Существованіе суммы этихъ *особыхъ* законовъ лучше всего доказываетъ существованіе сферы высшей жизни воли, независимой отъ физической организаціи. Такимъ образомъ, предъ судомъ самосознанія нашего, только наши идеальныя стремленія представляются „дѣйствіями“ нашего истиннаго, духовнаго „я“—*нашей воли*, а всѣ физическія или чувственныя влеченія — дѣйствіями постороннихъ ему силъ или волей, постороннихъ „я“ (ближайшимъ образомъ нашихъ предковъ). Слѣдовательно, если эти послѣднія влеченія будутъ превращаться въ хотѣнія, или въ окончательные акты воли, то лишь подъ условіемъ „бездѣйствія“ нашего настоящаго духовнаго „я“ или „личной“ воли. Если-же они будутъ подавлены и парализованы нашими идеальными желаніями, превратив-

шимися въ „хотѣнія“, то только въ силу „дѣйствія“ или проявленія нашей личной воли, — подлиннаго нашего духовнаго субъекта.

Отсюда ясно, что вопросъ о свободѣ воли, въ выборѣ желаній, есть вопросъ о свободѣ *дѣйствія* или *бездѣйствія* нашей настоящей личной воли, какъ источника всѣхъ нашихъ лучшихъ *идеальныхъ* влеченій. Если она будетъ дѣйствовать, то это дѣйствіе неизбѣжно обнаружится въ извѣстномъ направленіи, свойственномъ ея природѣ—внѣиндивидуальной, неограниченной, стремящейся къ вѣчному и безконечному (эта неизбѣжность и выражается въ понятіяхъ: психологическихъ, логическихъ, нравственныхъ и др. под. законовъ). Если-же она будетъ „бездѣйствовать“, то сами собою восторжествуютъ тѣ влеченія, которыя заложены въ организацію, какъ необходимыя проявленія посторонней ей воли, наградившей ее извѣстною организаціею.

Слѣдовательно, остается повидимому рѣшить только вопросъ о возможности для личной воли *свободы дѣйствія или бездѣйствія*. Такъ какъ воля, по собственной природѣ своей, рѣшительно ничѣмъ не ограничена и не связана и только сама себя можетъ ограничить и связать, то тамъ, гдѣ она проявляется въ своемъ чистомъ видѣ, она *должна и не можетъ не быть свободна*. Свобода отъ всякихъ ограниченій и есть ея *свойство* или *законъ ея природы*. По самой идеѣ воли, нами выработанной (воли—какъ причины всякаго дѣйствія, обусловливающей всякую необходимость), она свободна дѣйствовать или бездѣйствовать, т. е. начинать или не начинать свое дѣйствіе.

Но не въ этомъ главная трудность при рѣшеніи вопроса. Основная проблема сводится къ тому: можетъ-ли она своимъ „дѣйствіемъ“ всегда побѣдить противодѣйствіе тѣхъ чуждыхъ ей волей, которыя обнаруживаются въ нашихъ чувственныхъ влеченіяхъ, зависящихъ отъ организаціи? На это можно отвѣтить лишь слѣдующимъ образомъ: да, при извѣстномъ развитіи идеальныхъ стремленій или нашего высшаго „я“,—въ извѣстномъ возрастѣ, при нормальной физической организаціи, опредѣляющей извѣстныя границы чувственнымъ влеченіямъ,—совокупность нашихъ идеальныхъ стремленій, заключающихся въ нашемъ разумномъ сознаніи *на столько сильные* всѣхъ отдѣльно всплывающихъ подъ вліяніемъ физической организаціи чувственныхъ влеченій, что при „дѣйствіи“ нашего разумнаго „я“, идеальныя стремленія и желанія необходимо *должны* побѣждать чувственныя, при чемъ эта необходимость будетъ налагаться самимъ дѣйствіемъ нашей личной воли. Если-же идеальныя стремленія, вслѣдствіе возраста или ненормальной физической организаціи личности, не успѣли развиться, а чувственныя, въ силу тѣхъ-же причинъ, очень интенсивны, то человѣкъ и не свободенъ: бездѣйствіе его личной воли является вынужденнымъ. Но только въ первомъ случаѣ, какъ уже было указано, мы говоримъ о свободѣ воли и о нравственной отвѣтственности, а въ послѣднемъ — обще-человѣческій судъ совѣсти отрицаетъ свободу личной воли, а слѣдовательно и отвѣтственность. Такимъ образомъ, наше изслѣдованіе сущности свободы воли приводитъ къ тѣмъ-же ограниченіямъ ея, какія

признаются обычнымъ мнѣніемъ людей и инстинктивно диктуются самосознаніемъ человѣка.

Не всегда люди имѣютъ свободную волю и потому не всегда люди отвѣтственны и вмѣняемы. Но бо́льшая часть людей извѣстнаго возраста, развитія и нормальной организаціи обладаетъ свободною волею. Свобода ихъ заключается въ возможности для ихъ идеальной личной воли, независимой отъ физической организаціи, *дѣйствовать* — и тѣмъ самымъ творить добро и служить вѣчнымъ идеямъ и вѣчнымъ интересамъ духа или воли, или же *безъдѣйствовать*—и тѣмъ самымъ попускать въ себѣ обнаруженіе чуждыхъ этой волѣ влеченій, зависящихъ отъ физической организаціи и исходящихъ въ концѣ концевъ отъ чуждыхъ ей актовъ міровой воли и воли другихъ существъ. Отсюда и вытекаетъ требуемая нравственнымъ сознаніемъ возможность „для свободной личности“ какъ постояннаго *паденія*, такъ и постояннаго *духовнаго возстановленія* или *возрожденія*. А въ этомъ и заключается, по нашему крайнему разумѣнію, истинное значеніе понятія *свободы личной воли человѣка*. Прежде, однако, чѣмъ положить перо, мы должны еще разъ оглянуться назадъ и посмотрѣть, всѣ-ли элементы вопроса нами предусмотрѣны и удовлетворительно разобраны.

9. Общее ограниченіе свободы воли.

Мы признали, въ ближайшихъ главахъ, что основныя проявленія нашей дѣятельной энергіи не находятся въ роковой зависимости отъ воспріятій—ощущеній, представленій, идей, — чувствованій и чувствъ. Не говоря

уже о томъ, что всѣ эти страдательныя состоянія, какъ мы показали, сами отчасти опредѣляются волею,— т. е. во первыхъ организаціею, которая обусловливается дѣйствіями воли къ жизни, и затѣмъ дальнѣйшими дѣйствіями сознательной воли въ актахъ вниманія и въ направленіи хотѣній, по отношенію къ которымъ чувства служатъ лишь показателями степени ихъ удовлетворенія или неудовлетворенія, — несомнѣнно, что воспріятія способны вообще лишь пробуждать нашу дѣятельную энергію и предлагать ей тѣ или другіе объекты дѣйствія, а не опредѣлять ея внутренняго отношенія къ этимъ объектамъ, которое зависитъ отъ характера и соотношенія основныхъ формъ воли въ организмѣ, а именно: 1) инстинкта самосохраненія, или стремленія къ индивидуальной жизни въ предѣлахъ извѣстной физической организаціи, и 2) высшихъ стремленій къ вѣчности и внѣорганическому бытію.

Это положеніе, если признать его достаточно обоснованнымъ, проливаетъ новый свѣтъ на идею *мотивація* въ ея обыкновенномъ значеніи, о которомъ мы выше говорили: если и признать наши воспріятія *мотивами*, т. е. двигателями нашихъ желаній, то это возможно сдѣлать лишь въ той степени, въ какой воспріятія способны пробуждать въ насъ желанія, давать имъ поводъ обнаруживаться, нисколько не предопредѣляя ихъ направленія, характера и процесса ихъ развитія въ хотѣнія. Ни о какой *необходимой зависимости* тутъ не можетъ быть рѣчи. Если такъ можно выразиться, мы имѣемъ здѣсь дѣло именно съ „обходимой зависимостью“. Зависимость тутъ есть, но лишь *отри-*

цательная. А именно, благодаря нашей организаціи, составляющей продуктъ дѣйствія воли, *для обнаруженія* извѣстныхъ нашихъ желаній, связанныхъ съ этой физической организаціею, нужны толчки извнѣ, какъ-бы снимающіе съ желаній ту тяжесть или давленіе, которое заставляло ихъ пребывать подъ спудомъ. Но самыя желанія опредѣляются не воспріятіями, а свойствами воли и собственнымъ развитіемъ ея актовъ. Сначала свойства воли (въ животныхъ и вообще неразумныхъ существахъ) предопредѣлены внутренней физической организаціей существа, необходимо зависящей отъ изначальнаго акта воли къ жизни и отъ послѣдовательныхъ дѣйствій инстинкта самосохраненія, и слѣдовательно—истиннымъ двигателемъ стремленій и желаній оказывается воля къ жизни, а не сумма воспріятій. Затѣмъ, та необходимость, которая налагается общимъ стремленіемъ воли къ жизни и послѣдовательными воплощеніями ея въ процессѣ эволюціи организмовъ, уступаетъ мѣсто *высшей необходимости*, вытекающей изъ актовъ развившейся и созрѣвшей личной воли, которая своимъ дѣйствіемъ можетъ сдѣлать эти низшія, чуждыя ей желанія — недѣйствительными, можетъ парализовать и связать ихъ. Эта высшая личная воля, въ своемъ собственномъ дѣйствіи, создаетъ сама ту высшую необходимость, которая уничтожаетъ всѣ низшія необходимости. Но сама по себѣ, какъ творческій источникъ этихъ высшихъ желаній, она свободна, т. е. самое вступленіе въ дѣйствіе для нея „обходимо“: она можетъ и *бездѣйствовать*—и тогда вступаютъ въ силу низшія необходимости, которымъ она даетъ чрезъ это

какъ-бы свою „санкцію“. Отсюда ясно, что понятіе „обходимости дѣйствія“ или „свободы воли“ есть въ самомъ дѣлѣ понятіе *положительное*, а понятіе „не-обходимости“, какъ показываетъ и этимологія слова, есть понятіе *отрицательное*, выводимое изъ перваго. Всякая необходимость есть продуктъ свободнаго дѣйствія воли и никакихъ другихъ двигателей воли, кромѣ самой воли, быть не можетъ. Единственный источникъ *мотивовъ* есть опредѣленіе самой воли, т. е. хотѣніе, будь это—воля личная, моя или чужая, или міровая, вселенская. Даже начало и форма дѣйствія на меня внѣшнихъ силъ, вызывающихъ воспріятія, если вникнуть глубже, всецѣло опредѣляется волей, ибо весь механизмъ міра—продуктъ воли къ жизни, воплощающейся въ мірѣ явленій и создающей всякій механизмъ. Безъ этого основного двигателя не было-бы жизни и „міра явленій“. Точно такъ-же и всякая побѣда чужой воли другого существа надъ моею, въ борьбѣ за существованіе, зависящая отъ большей энергіи его воли къ жизни, необходимо предопредѣляется актами міровой воли, въ насъ воплощающейся.

Но тутъ возникаетъ интересный вопросъ: откуда-же берется въ такомъ случаѣ *то развитіе воли*, которое дѣлаетъ ее свободной въ извѣстной личности? Если, какъ мы показали, состояніе воли, въ которомъ она дѣлается свободною, есть дѣйствительно плодъ развитія,—если условіемъ для достиженія его является по крайней мѣрѣ отсутствіе извѣстныхъ препятствій со стороны организаціи (т. е. „нормальная“ организація), да еще повидимому появленіе въ сознаніи извѣст-

ныхъ „высшихъ идей“ (напр. идей истины, добра, красоты и др. под.), то не уничтожаются-ли этими соображеніями всѣ плоды нашего изслѣдованія, — въ томъ смыслѣ, что свободная воля окажется сама необходимымъ продуктомъ извѣстнаго развитія, т. е. извѣстныхъ, „не-обходимыхъ“ условій, хотя-бы предопредѣленныхъ изначальнымъ актомъ міровой воли.

Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что вѣдь свободная воля развивается все-таки „въ предѣлахъ“ организма или организаціи — стало-быть, повидимому, изъ той воли, которая давно признана не самостоятельной, а зависимой отъ прежнихъ актовъ воли къ жизни, произведшихъ данную организацію.

Но затрудненіе это отчасти разрѣшится, если мы не забудемъ снова всего того, что пріобрѣли путемъ предшествующаго анализа и не попадемся опять въ ловушку обыденныхъ, популярныхъ представленій „о механизмѣ психической жизни“. Если мы признали, что даже воспріятія не входятъ въ насъ извнѣ, а суть пробужденія нашей внутренней психической энергіи, что въ насъ постоянно даны психическія силы въ потенціальномъ, скрытомъ состояніи, переходящія въ дѣйствіе или пробуждающіяся подъ вліяніемъ извѣстныхъ толчковъ извнѣ, то мы должны предположить, что вообще *вся* психическая наша энергія,—и пассивная и активная (или воля),—и связанная организаціей и независимая отъ нея, не порождается и развивается *изъ организма*, а только живетъ или пребываетъ *въ немъ*. Это значитъ, что она развивается, растетъ и отчасти переходитъ изъ потенціальныхъ состояній въ дѣйствен-

ныя *сама собою*, независимо отъ всякихъ органическихъ процессовъ, сама постоянно направляя и видоизмѣняя ихъ. И это предположеніе подтверждается тѣми многочисленными и всѣмъ извѣстными фактами, которыми обнаруживаются непропорціональность силы нашей психической дѣятельности съ интенсивностью дѣйствующихъ на насъ извнѣ возбудителей. Впечатлѣнія—только искры, зажигающія нашу психическую энергію, но затѣмъ она сама изъ себя развиваетъ тѣ громадныя потенціи, которыя обнаруживаются въ ея дѣйствіи подъ вліяніемъ этихъ искръ. И чѣмъ больше она дѣйствуетъ и развивается, тѣмъ значительнѣе становится диспропорціональность между силою впечатлѣній и силою ихъ внутреннихъ эффектовъ. Поэтому мы и говоримъ, что психическое развитіе слѣдуетъ *своимъ особымъ* психологическимъ и, въ частности, логическимъ, этическимъ и эстетическимъ законамъ, которые порождаютъ извѣстные физіологическіе и органическіе эффекты, но сами обусловливаются ими лишь въ отрицательномъ, а не въ положительномъ смыслѣ, ибо организація можетъ *препятствовать* быстротѣ и полнотѣ развитія психическаго содержанія, но сама по себѣ не можетъ породить ни одного новаго элемента этого содержанія.

Слѣдовательно, психическая сила развивается, крѣпнетъ, пріобрѣтаетъ извѣстное содержаніе, которое всецѣло творитъ изъ себя, не въ исключительной и роковой зависимости отъ организаціи, а въ силу собственныхъ свойствъ. Организмъ, напротивъ, представляетъ рядъ препятствій и ограниченій этому развитію.

Если-бы не было организма, то развитіе это можетъ-быть шло-бы гораздо скорѣй, или даже, пожалуй, было-бы излишне, ибо психическая сила, освобожденная отъ всякихъ оковъ организаціи, сразу обнаружилась-бы во всѣхъ своихъ внутреннихъ потенціяхъ или способностяхъ. Другими словами, само развитіе психической энергіи, съ нашей точки зрѣнія, есть лишь процессъ борьбы съ организаціей и стремленіе воли выйти изъ ея оковъ, побѣдить ея сопротивленія и подчинить организацію своимъ высшимъ и основнымъ цѣлямъ. Этимъ ученіемъ вполнѣ удовлетворительно объясняется, какимъ образомъ свобода воли является продуктомъ внутренняго развитія самой воли, а не организаціи, которую сама-же воля преобразовываетъ и подчиняетъ себѣ.

Мнѣніе, что для развитія высшихъ желаній нужно развитіе высшихъ идей, зависящихъ отъ опыта и воспріятій, есть также плодъ недоразумѣнія. Эти высшія идеи отвлекаются нами отъ содержанія нашихъ высшихъ стремленій и актовъ самой воли, вытекающихъ изъ ея основной природы, а не изъ этихъ идей, такъ что воля *творитъ* эти идеи, а не сама ими творится. Не изъ опыта и воспріятій опыта рождаются эти идеи, а возникаютъ на почвѣ высшихъ стремленій воли, какъ ихъ выраженія въ сознаніи, и затѣмъ прилагаются субъектомъ къ опыту, какъ мѣрки при оцѣнкѣ явленій. Если всѣ, до единаго, опытныя воспріятія (ощущенія и представленія предметовъ) суть сами—состоянія пробудившейся психической энергіи или, другими словами, вызванныя внѣшними толчками отношенія воли или субъекта къ движеніямъ среды, то тѣмъ болѣе высшія руководящія идеи субъекта суть

основныя и коренныя отношенія воли къ этой средѣ, выраженія ея собственныхъ внутреннихъ формъ дѣйствія.

Такимъ образомъ, если свобода воли есть плодъ развитія воли, то само это развитіе есть продуктъ ея-же собственной дѣятельности.

Воля можетъ зависѣть только отъ воли-же и все остальное въ мірѣ зависитъ отъ нея-же: всякая живая сила въ природѣ есть сама себя ограничившая извѣстными рамками физическихъ стѣсненій и потому только въ этихъ рамкахъ проявляющаяся воля. Это—основное наше положеніе, вытекающее изъ изслѣдованія источниковъ всякой организаціи, и чистѣйшимъ недоразумѣніемъ является предположеніе, что въ природѣ есть какія-либо другія положительныя дѣятельныя силы, кромѣ воли,—способныя дѣйствовать на волю. Матерія есть только отрицательная сила, могущая оказывать извѣстныя сопротивленія дѣйствіямъ воли, но не могущая „дѣйствовать“ и тѣмъ болѣе самопочинно дѣйствовать. Воля личности есть обособившійся элементъ всеединой „вселенской“ воли *). Какъ обособившійся элементъ, допускающій существованіе другихъ волей, данная воля становится въ извѣстную зависимость ко всѣмъ другимъ волямъ и степень этой зависимости рѣшается ихъ относительною силою. Но каждая обособившаяся въ организмѣ воля *по существу* не слабѣе

*) Терминъ „вселенской“ воли мы считаемъ болѣе удобнымъ, чѣмъ терминъ „міровой“ воли, такъ какъ самъ міръ и міровая жизнь суть ея порожденія.

всякой другой и сохраняетъ въ себѣ потенціальную способность безконечно развиваться и пріобрѣтать все большую и большую силу противодѣйствія дѣйствіямъ и проявленіемъ другихъ волей. Такъ какъ другія воли дѣйствуютъ на данную своими единичными актами (выражающимися въ отдѣльныхъ воспріятіяхъ и отдѣльныхъ измѣненіяхъ организаціи), то цѣлая и единая обособившаяся въ личности воля, достигнувъ полноты своего саморазвитія, способна подавлять эти отдѣльные, навязываемые ей извнѣ акты другихъ индивидуальныхъ волей.

Обособленіе волей совершилось въ силу свободнаго акта единой вселенской воли, захотѣвшей воплотиться въ матеріи и принять формы пространства и времени, т. е. формы явленій. Но основное свойство этой единой воли (свобода дѣйствія или бездѣйствія) въ этомъ актѣ воплощенія ея не могло исчезнуть,—иначе исчезла-бы самая воля: „явленія“ воли—только формы, а не сущность бытія этой воли въ условіяхъ пространства и времени. Она не теряетъ способности въ каждой личности непрерывно продолжать свои самоограниченія, путемъ дальнѣйшаго подчиненія себя другимъ волямъ (поразительные случаи такого самоограниченія мы видимъ въ явленіяхъ гипнотизаціи, имѣющихъ основаніемъ добровольное бездѣйствіе личной воли), и наоборотъ, постоянно продолжать свои освобожденія отъ всякихъ ограниченій, путемъ идеальныхъ актовъ внутренней самодѣятельности, причемъ организмъ является пластическимъ орудіемъ временнаго закрѣпленія этихъ самоограниченій и самоосвобожденій. Какъ сумма подвиж-

ныхъ и инертныхъ частицъ, онъ доступенъ всякимъ преобразованіямъ, какія *свободно* предприметъ воля.

Таково истинное отношеніе воли къ условіямъ ея развитія. Но вотъ какой вопросъ невольно возникаетъ изъ предшествующихъ разсужденій: если воля можетъ зависѣть только отъ воли-же, если необходимость и порождается впервые самимъ актомъ воли, то признавъ конечную зависимость индивидуальныхъ волей отъ первоначальнаго самоограниченія единой вселенской воли, не должны-ли мы допустить все-таки, что и всѣ отдѣльные акты проявленія и развитія индивидуальной воли, а слѣдовательно и ея развитія *до степени свободы*, имѣютъ корнемъ изначальный свободный актъ „вселенской“ воли, такъ что условная свобода каждой индивидуальной воли есть какъ-бы *свободный даръ* единой изначальной воли—Бога.

Этотъ выводъ дѣйствительно неизбѣженъ, но нисколько не унизителенъ и нисколько не уничтожаетъ свободы и нравственной отвѣтственности индивидуальныхъ волей. Пусть свобода будетъ „даромъ“ Высшей воли и пусть предѣлы ея, очерченные этой Высшей волей въ изначальномъ актѣ ея ограниченія, путемъ вступленія въ связь съ матеріей, опредѣляются для каждой личности свойствами и возможною степенью развитія ея организаціи,—пусть даже нѣкоторые люди будутъ совершенно лишены этого дара и возможности когда-либо пріобрѣсти его, — фактомъ останется то, что есть человѣческія личности и моменты развитія, въ предѣлахъ которыхъ основное свойство воли (свобода дѣйствія или бездѣйствія) проявляется въ высо-

кой и высшей степени. Такъ-какъ нравственная отвѣтственность всегда ставится въ тѣсную связь съ *мѣрою развитія личной воли*, то она остается всегда *пропорціональною* свободѣ этой послѣдней и никто не долженъ терпѣть ущерба отъ своей индивидуальной ограниченности. Дары изначальной единой воли распредѣлены дѣйствительно различно и зависимость высшихъ ея даровъ отъ свободнаго хотѣнія Высшаго существа выражается въ понятіи изливаемой имъ на данную личность *благодати*. Важно не то, что дары Высшей воли различны, а то, что каждая личность признается отвѣтственной „лишь въ границахъ своей личной мѣры свободы“,—будь она минимальная или максимальная. Важно то, что свободная воля вообще возможна и существуетъ, а съ нею возможенъ и дѣйствителенъ *нравственный міровой порядокъ*. Можно конечно разсуждать „о степени справедливости“ разнообразнаго распредѣленія *мѣръ* свободы и нравственныхъ цѣнностей жизни въ различныхъ индивидуумахъ, но во первыхъ эти разсужденія уже не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о свободѣ воли, а во вторыхъ едва-ли можно дозволять себѣ такія разсужденія при тѣхъ ограниченныхъ свѣдѣніяхъ, какія мы имѣемъ объ индивидуальныхъ воплощеніяхъ воли. Можетъ-быть неравенство сглаживается и уничтожается тѣмъ, что каждая индивидуальная воля, будучи неуничтожима и составляя не *продуктъ* организма, а *условіе* его существованія, воплощается и индивидуализируется *неоднократно* — въ цѣломъ рядѣ организмовъ, проходя всѣ возможныя фазы минимальной и максимальной свободы, такъ что теперешнія

величайшія ограниченія, претерпѣваемыя какой-либо волей со стороны другихъ волей (обусловившихъ данную индивидуальную организацію),—временное явленіе, т. е. шагъ или ступень къ большей и даже наибольшей свободѣ, или наоборотъ — продуктъ ея прежняго *свободнаго* акта полнаго самоограниченія. Мы не будемъ подробно разбирать этихъ вопросовъ, но предлагаемъ читателю отнестись къ обсужденію ихъ осторожно и всесторонне.

Такимъ образомъ, теоріи *предопредѣленія и благодати* въ нашемъ ученіи легко примиряются съ признаніемъ „факта свободы воли“ въ человѣческихъ личностяхъ извѣстнаго развитія.

Наше изслѣдованіе собственно кончено и намъ остается лишь выразить надежду, что при строгомъ и внутренно-цѣльномъ проведеніи тѣхъ принциповъ, которыми мы руководились въ немъ, всѣ, можетъ-быть и не предусмотрѣнныя нами возраженія противъ изложеннаго толкованія идеи свободы воли, должны сами собою пасть, если подвергнуть ихъ критикѣ съ точки зрѣнія основныхъ началъ нашего анализа. Вопросъ только въ томъ, вѣрны-ли эти „основныя начала“; но объ этомъ судить не намъ. Результаты нашего изслѣдованія, для удобства ихъ обзора, выражены нами ниже въ системѣ положеній.

ПОЛОЖЕНІЯ КЪ РЕФЕРАТУ

Н. Я. Грота

„О СВОБОДѢ ВОЛИ".

1. Методъ изслѣдованія вопроса о свободѣ воли можетъ быть только *метафизическимъ*, если разумѣть подъ метафизическимъ изслѣдованіемъ „анализъ основныхъ категорій всякаго познанія и опыта", къ которымъ принадлежатъ идеи свободы, причинности, необходимости, достаточнаго основанія, мотивацiи и др. под.

2. Понятіе свободы воли содержитъ въ себѣ идею *воли*, какъ *внутренняго дѣятеля*, проявляющагося въ извѣстныхъ „явленіяхъ" воли—влеченіяхъ и дѣйствіяхъ, и идею *свободы* или *независимости* этого внутренняго дѣятеля отъ другихъ дѣятелей природы, связанную съ зависимостью его *только отъ самого себя*. Понятіе свободы воли есть, такимъ образомъ, не только отрицательное, но и положительное понятіе.

3. Некритическое сознаніе разсматриваетъ отношеніе актовъ воли къ ихъ мотивамъ, какъ частную форму отношенія слѣдствій къ ихъ основаніямъ, а это послѣд-

нее какъ спеціальное выраженіе соотношенія дѣйствій къ ихъ причинамъ, такъ что понятіе причинности признается основнымъ понятіемъ объ отношеніи явленій внѣшняго и внутренняго опыта, а понятія достаточнаго основанія и мотиваціи—выводными. Критическое сознаніе на первыхъ-же порахъ убѣждается въ зависимости идеи причинности отъ идеи достаточнаго основанія и должно признать далѣе зависимость этихъ обѣихъ идей отъ идеи мотиваціи или соотношенія „явленій“ воли къ ихъ двигателямъ.

4. Идея *мотива* имѣетъ *двоякое* значеніе, выражая отношеніе хотѣній, какъ двигателей, къ ихъ дѣйствіямъ, и отношеніе факторовъ, производящихъ хотѣнія къ этимъ послѣднимъ. Отношеніе хотѣній къ дѣйствіямъ заключаетъ въ себѣ тотъ характеръ непреложности, изъ сознанія котораго впервые рождается идея „не-обходимости дѣйствія“, такъ что понятіе необходимой причины есть лишь понятіе о волѣ, необходимо „причиняющей“ или производящей изъ себя дѣйствіе актомъ хотѣнія. Это понятіе причины, въ собственномъ его смыслѣ, не можетъ содержать въ себѣ идеи обратной необходимой зависимости акта воли или хотѣнія отъ какого либо дѣйствія, и перенесеніе идеи необходимости въ область воли, акты которой сами впервые порождаютъ необходимость, произвольно. Идея необходимости въ соотношеніи основаній и слѣдствій есть также отвлеченіе отъ актовъ воли (въ области мышленія), порождающихъ необходимость извѣстныхъ дѣйствій мысли (сужденій и выводовъ). Поэтому нельзя говорить о необходимой зависимости актовъ воли (стремле-

ній и хотѣній) отъ какихъ-либо предшествующихъ имъ психическихъ явленій, напр. отъ воспріятій, какъ отъ необходимыхъ „основаній“, не изслѣдовавъ всесторонне отношенія воли къ другимъ явленіямъ сознанія, какъ мотивамъ или двигателямъ.

5. Чтобы понять отношеніе явленій воли къ явленіямъ воспріятія, надо уяснить себѣ природу этихъ послѣднихъ. Воспріятія нашего сознанія суть чисто внутреннія психическія состоянія нашей духовной энергіи, пробуждаемыя внѣшними толчками, т. е. движеніями частицъ неорганической и органической матеріи. Все психическое содержаніе ощущеній, идей, чувствъ потенціально присуще нашей психической энергіи, и по частямъ возстановляется дѣйствіемъ внѣшнихъ толчковъ. Изъ такого критическаго толкованія процессовъ воспріятія вытекаетъ, что весь нашъ внѣшній опытъ, все сознаніе міра есть форма внутренняго опыта или *самосознанія*. Слѣдовательно, вопреки мнѣнію Шопенгауэра, вопросъ объ отношеніи актовъ воли къ явленіямъ воспріятія можетъ быть рѣшенъ только на почвѣ самосознанія, и приложеніе къ истолкованію этихъ отношеній идеи причинности, какъ формы сознанія явленій міра, незаконно, ибо сама идея причинности и связанная съ нею идея необходимости пріобрѣтаются на почвѣ самосознанія—сознанія отношенія воли къ ея дѣйствіямъ.

6. На почвѣ изслѣдованія данныхъ самосознанія открывается прежде всего, что характеръ явленій и актовъ воли не опредѣляется всецѣло и не зависитъ необходимо ни отъ „объективныхъ“ воспріятій (ощущеній, пред-

ставленій, понятій объ объектахъ), ни отъ субъективныхъ воспріятій (чувствованій, чувствъ, волненій, какъ выраженій отношеній объектовъ къ субъекту), ибо первыя изъ этихъ страдательныхъ состояній указываютъ волѣ только ея предметы, а вторыя выражаютъ отношенія впечатлѣній къ даннымъ энергіямъ и направленіямъ воли, но не рѣшаютъ еще характера отношенія *самой воли* къ нимъ. Напротивъ: воля очень часто опредѣляетъ сама и свои предметы, т. е. представленія субъекта (путемъ актовъ вниманія), и отношенія ихъ къ психической энергіи субъекта, вліяя на распредѣленіе энергій въ органахъ. Воспріятія только пускаютъ въ ходъ и поддерживаютъ ходъ дѣйствій психической энергіи, а самое направленіе и характеръ этихъ дѣйствій ея, т. е. желаній и хотѣній, имѣютъ иной, болѣе глубокій *внутренній* источникъ.

7. Чтобы понять внутренніе источники воли, надо разграничить моменты ея проявленія въ нормальномъ и разумномъ существѣ. Сначала воля проявляется въ стремленіяхъ, влеченіяхъ, желаніяхъ, и затѣмъ эти послѣднія, путемъ извѣстнаго процесса внутренняго развитія, превращаются въ хотѣнія. Если-же желанія и хотѣнія совпадаютъ другъ съ другомъ, то не можетъ быть и вопроса о свободѣ воли (какъ напр. у животныхъ, маленькихъ дѣтей, психически-больныхъ и проч.). Что касается до дѣйствительныхъ внутреннихъ источниковъ желаній и влеченій, то однимъ изъ таковыхъ оказывается у разумнаго существа наслѣдственная организація, опредѣляющая косвенно и характеръ его воспріятій (т. е. ощущеній, представленій, идей, чувствованій и чувствъ). Но на-

слѣдственная организація является въ концѣ концовъ сама результатомъ привычныхъ дѣйствій воли, имѣющихъ одинъ общій источникъ—инстинктъ самосохраненія или хотѣніе жить въ условіяхъ времени и пространства, которое есть свободный изначальный актъ самоограниченія міровой воли, постоянно вновь повторяющійся и проявляющійся въ инстинктѣ самосохраненія каждаго индивидуума. Такимъ образомъ, *одинъ необходимый* источникъ желаній разумнаго существа есть свободный актъ самоограниченія міровой воли,—направленіе ея къ эмпирической жизни въ рамкахъ пространства и времени, т. е. въ формѣ матеріи

8. Другой источникъ желаній въ разумномъ существѣ, достигшемъ полнаго развитія,—это изначальное свободное стремленіе воли къ существованію въ вѣчности, къ уничтоженію ограничивающихъ рамокъ пространства, времени, физической организаціи. Оно проявляется въ нравственныхъ и вообще идеальныхъ стремленіяхъ личности, ведущихъ непрестанную борьбу съ инстинктомъ самосохраненія. Если даже признать волю вселенной *единою*, то въ ней самой придется различать два свободные акта хотѣнія—*отрицательный*, имѣющій задачею и слѣдствіемъ самоограниченіе воли, и *положительный*, имѣющій задачею освобожденіе или изъятіе воли изъ міра времени и пространства. Эти два свободные изначальные акта воли, опредѣляющіе сущность и необходимость отдѣльныхъ ея проявленій въ индивидуумахъ, несводимы другъ къ другу. Но если источникъ всѣхъ отдѣльныхъ желаній личности въ этихъ изначальныхъ актахъ единой вселенской

воли, то свободны-ли хотѣнія, вырабатывающіяся изъ этихъ желаній въ сознаніи личности или они предопредѣлены силою и механическимъ отношеніемъ этихъ желаній? Истинными мотивами или двигателями хотѣній являются желанія, стремленія (а не воспріятія), какъ выраженія изначальныхъ актовъ вселенской воли. Но можно-ли въ такомъ случаѣ допустить, что въ каждой личности дана возможность свободной переработки этихъ первоначальныхъ импульсовъ вселенской воли?

9. Свобода воли (и связанная съ нею нравственная отвѣтственность) допускаются въ личности лишь подъ условіемъ пробудившихся въ ней идеальныхъ стремленій. Эти высшія стремленія развитая личность сознаетъ, какъ свои собственныя стремленія, а влеченія, связанныя съ организаціей и, слѣдовательно, съ волею міра и другихъ существъ, она сознаетъ, какъ посторонія и чуждыя ей, извнѣ навязанныя и напрашивающіяся влеченія. Поэтому, торжество первыхъ представляется фактомъ „дѣйствія“ личной воли, торжество послѣднихъ сознается, какъ результатъ „бездѣйствія“ ея. Вопросъ о свободѣ личной воли есть, такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ дѣйствія или бездѣйствія ея. Такою свободою личная воля духовнаго существа несомнѣнно обладаетъ, такъ какъ, по существу своему, независима отъ физической организаціи, т. е. отъ необходимостей, вытекающихъ изъ актовъ чуждыхъ ей воль, и потому ничѣмъ не можетъ понуждаться къ дѣйствію. Свобода дѣйствія есть основное свойство воли, какъ дѣятеля, и это свойство не можетъ совершенно исчезать въ актѣ воплощенія воли въ индивидуумѣ, такъ какъ оно соста-

вляетъ самую сущность и природу воли. Начало дѣйствія идеальной воли въ личности, а слѣдовательно и *необходимость* его принадлежатъ всецѣло ей самой. Но условіемъ этой свободы является очевидно преобладаніе личной, идеальной воли надъ чувственными влеченіями, т. е. извѣстное развитіе личной идеальной воли, при которомъ каждое отдѣльное чувственное влеченіе слабѣе общей суммы идеальныхъ влеченій личности, такъ что „дѣйствіе“ личной идеальной воли равносильно ея побѣдѣ.

10. Это развитіе въ индивидуумѣ личной воли, возвращающее ей свободу дѣйствія или бездѣйствія, которою воля отъ природы обладаетъ, есть ея *саморазвитіе*, которое только ускоряется толчками извнѣ (пробуждающими воспріятія) и которое направлено на борьбу съ ограниченіями воли, упроченными наслѣдственной организаціей. Однако это саморазвитіе находится въ нѣкоторой отрицательной зависимости отъ этихъ ограниченій, опредѣляемыхъ изначальнымъ актомъ свободной вселенской воли. Такимъ образомъ, свобода личной воли есть все-таки *даръ* единой вселенской воли, предопредѣляющей ея максимальную степень въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, путемъ предшествующихъ ограниченій, исходящихъ отъ нея-же, какъ инстинкта жизни въ мірѣ явленій. Но это нисколько не уничтожаетъ *факта* достиженія свободы воли большею частью разумныхъ существъ и, слѣдовательно, существованія нравственнаго міро-порядка,—такъ какъ нравственная отвѣтственность личности всегда сообразуется со степенью достижимой для воли *этой* личности свободы—

путемъ ея саморазвитія въ предѣлахъ данной организаціи, а это именно и требовалось доказать.

Если обнять однимъ взглядомъ весь пройденный нами путь, то окажется, что единственно возможное *метафизическое* изслѣдованіе проблемы свободы воли — въ связи съ анализомъ понятій причинности, необходимости, основанія и мотива—приводитъ не только къ утвержденію реальности свободы воли, но и къ признанію реальности *воли*, какъ сверхчувственнаго или метафизическаго источника всякихъ измѣненій и движеній въ мірѣ и слѣдовательно всякой необходимости, *свободно имъ полагаемой*. Понятіе *воли* означаетъ въ насъ не совокупность „явленій“ дѣятельности, а общую и основную ихъ причину. Эта причина явленій сознается нами *непосредственно*, т. е. независимо отъ опыта, какъ наше разумное „я“, являющееся свободнымъ источникомъ нашихъ поступковъ. Доказать, что оно свободно, возможно однако только косвенно, какъ это видно изъ всего хода нашихъ разсужденій, а именно чрезъ опроверженіе всѣхъ предполагаемыхъ обыкновенно зависимостей нашего дѣятельнаго „я“, или воли, отъ всѣхъ возможныхъ факторовъ, якобы опредѣляющихъ его: отъ среды (т. е. впечатлѣній ея), отъ организма (т. е. его устройства и воздѣйствій), наконецъ отчасти и отъ міровой воли, дающей извѣстное направленіе его развитію, и отъ другихъ индивидуальныхъ волей, вліяющихъ на это развитіе. Если доказано, что въ насъ есть *область* воли, *независимая* отъ всѣхъ этихъ факторовъ и отчасти сама ихъ опредѣляющая своимъ „дѣйствіемъ“, то доказана косвенно и свобода личной воли въ разумныхъ суще-

ствахъ, хотя мы и неспособны *конкретно* представить себѣ свободную жизнь воли такъ, какъ представляемъ себѣ явленія опыта: нельзя мыслить въ формахъ явленій опыта то, что̀ само есть форма и условіе всѣхъ явленій опыта.

Эти послѣднія соображенія мы высказываемъ, имѣя въ виду тѣхъ мыслителей, которые хотятъ во что-бы то ни стало выразить идею свободы въ терминахъ, которыми выражаются отношенія явленій опыта. *Ихъ* свобода воли оказывается всегда мнимою и воображаемою, т. е. лишь особою формою предполагаемой зависимости отъ условій среды и организаціи, — зависимости болѣе отдаленной, сложной, труднѣе уловимой, чѣмъ зависимость (отъ тѣхъ-же условій) актовъ воли, которые не признаются никѣмъ свободными. Но тогда зачѣмъ и говорить о свободѣ воли? Не то-же ли это самое, какъ если-бы кто-нибудь сталъ называть матерію матеріалистовъ—Богомъ. Если говорить, что понятіе „свободы“ относительное, означающее „независимость даннаго явленія отъ другого“, то въ этомъ смыслѣ слова свободны и самые несвободные акты, напр. инстинктъ самосохраненія иногда свободенъ отъ сознанія. Всѣ волевые акты—самые низшіе и безсознательные—окажутся свободными отъ какихъ-либо условій и факторовъ, имѣющихъ значеніе по отношенію къ другимъ актамъ воли. Отчего-же одну форму такой свободы называть свободою, а другую несвободою? Мы утверждаемъ, что не можетъ быть ничего средняго между признаніемъ всего міра, а съ нимъ и человѣка, за абсолютный механизмъ, и признаніемъ всего міра и человѣка за про-

явленіе свободнаго акта абсолютной вселенской воли, истеченіемъ которой является всякая дѣятельная сила міра и воля всякаго существа, сохраняющая потенціально свойства своей первоосновы, т. е. между прочимъ и свободу дѣйствія и бездѣйствія. Если-же это свойство ея проявляется лишь въ человѣкѣ и при условіи извѣстнаго его развитія (кстати оговоримся, что здѣсь рѣчь идетъ не объ интеллектуальномъ, а о нравственномъ, т. е. волевомъ развитіи), то это доказываетъ лишь, что міровой процессъ есть процессъ борьбы между двумя началами или актами вселенской воли, и что сначала беретъ верхъ отрицательный актъ самоограниченія воли, потомъ побѣждаетъ другой актъ—ея освобожденія отъ стѣсненій, добровольно на себя наложенныхъ. Какъ совершается этотъ процессъ превращенія? Мы этого не знаемъ, ибо онъ происходитъ за предѣлами нашего опыта. Въ опытѣ мы находимъ только его результаты или выраженія, и всю совокупность ихъ обнимаемъ въ понятіи „развитія“. Но что такое развитіе? Развѣ мы способны вполнѣ выразить его смыслъ въ терминахъ явленій опыта и ихъ эмпирическихъ отношеній? Конечно нѣтъ: въ идеѣ развитія есть внутренній „ирраціональный“ или метафизическій элементъ, какъ и въ понятіяхъ воли и свободы воли.

Н. Гротъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

„Новаго Времени“ (А. С. Суворина), А. А. Карцева, М. О. Вольфа, Н. П. Карбасникова, А. Л. Васильева, В. Готье, А. Ланга и И. И. Глазунова продаются:

ТРУДЫ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА:

Выпускъ I. Артуръ Шопенгауеръ. Очерки его жизни и ученія (по поводу столѣтней годовщины его рожденія). Съ портретомъ Шопенгауера. Статьи: В. И. Штейна, Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина, В. П. Преображенскаго и Указатель литературы о Шопенгауерѣ—В. И. Штейна. Цѣна 1 р. 50 коп.

Выпускъ II. Иммануилъ Кантъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки. Переводъ Владиміра Соловьева. Съ предисловіемъ Н. Я. Грота и приложеніемъ перевода „Критики кантовской философіи“ Куно-Фишера—Н. А. Иванцова. Цѣна 2 р.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Опыты постановки и рѣшенія вопроса. Рефераты, читанные въ Психологическомъ Обществѣ дѣйств. членами Н. Я. Гротомъ, Н. В. Бугаевымъ, Л. М. Лопатинымъ. Возраженія С. С. Корсакова, тезисы А. А. Токарскаго и статья П. Е. Астафьева.

Тамъ-же продается рѣчь, произнесенная предсѣдателемъ Психологическаго Общества Н. Я. Гротомъ въ годичномъ засѣданіи 24 янв. 89 г.: Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. Цѣна 40 коп.

2007237440